

Вадим Хлыстов
Первая раса. Хозяева
Книга I

Безумец тот, кто ступил на Тропу Хозяев...

Вадим Хлыстов
Первая раса. Хозяева.
Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18905022

Аннотация

Нечто необычное начинает происходить в гигантской Империи Тукан. Самодержец занят непонятными изысканиями. Чрезвычайно обеспокоен глава тайного конклава человеческих магов и Верховный жрец Бога Смерти. Потрясен покой древней расы Высокородных, с могуществом которых не сможет совладать даже тайный магический орден. Предательство, интриги, отвратительные слухи и... надежда, возникшие, казалось бы ниоткуда, охватили дворец Повелителя. И никто не знает, чем закончится череда событий запущенных странной парой, пришедшей из пустыни в столицу Империи...

Все права защищены законом об авторском праве. Книга не может быть воспроизведена либо использована в коммерческих целях, как целиком, так и частично, без письменного разрешения автора.

ISBN 9783000525681.

Автор – Вадим Хлыстов.

Первая раса. Хозяева

Все события, описанные в романе, являются вымыслом автора. Возможное совпадение имен, местностей, названий городов, стран и событий – просто случайность, не имеющая ничего общего с реальностью.

Часть I

Пролог

Не бежали впереди глашатаи с тяжелыми дубинами, пронзительно вопя: «Император! Император! С дороги! На колени!». Не кричали восторженно женщины: «Живи вечно

божественное семя, наш могучий леопард!», оголяя в экстазе груди и поднимая к

палящему солнцу на руках младенцев. Не били оглушительно в огромные барабаны

свирепые, полуголые, иссиня-черные рабы, возвещая о том, что живое воплощение Шу

снизошло до появления перед своими подданными. Не было этого ничего. А было только

стремительное и сосредоточенное движение боевой колесницы, которой сам, без возницы

правил самодержавный владыка Империи Тукан Император Санахт I.

Колесница, в которую были впряжены два быстроногих, громадных осла белой масти, управляемая умелой и тяжелой рукой, неслась по песчаной кромке Великой Зелени к

боевой галере, бросившей якорь в ста имперских локтях от берега. Следом за колесницей

Императора, так же стремительно, двигались боевые колесницы только его ближайших

друзей.

Рванув вожжи, да так, что ослы встали на дыбы, Санахт резко остановил повозку. Вслед за

Императором, так же резко остановились и его друзья. Одним проворным движением, не

смотря на тяжесть бронзовых доспехов, Самодержец спрыгнул с кузова, бросил вожжи и

стрекало подбежавшему воину и быстрым, широким шагом направился к поджидавшей

его большой лодке, в которой не было гребцов. Запрыгнув в нее, он одной рукой поднял

тяжелое весло над головой и нетерпеливо крикнул своим спутникам:

– Я что, должен вас сидеть и ждать, как гусыня на яйцах?

Его друзья, весело смеясь, подбежали и тоже запрыгнули в лодку. Вся компания

расхватала весла, и лодка стремительно ринулась к боевой галере. Делая очередной

гребок, Император склонился к уху сидящего рядом с ним воина в доспехах из тисненой

кожи песчаного буйвола:

– Ты строго проследил за выполнением моего приказа, Амен?

Воин тихо ответил:

– Да, Санахт. Ни одного жреца рядом на день пути...

А приказ Императора был строг и однозначен: «Никакой помпы и славословий. Никаких

лишних глаз». Из-за этого, выезд из Хут-Ка – нынешней столицы Империи Тукан, был

произведен внезапно и ночью четыре дня тому назад, а место, где бросила якорь боевая

галера, на две тысячи имперских локтей было оцеплено личной охраной Самодержца.

Официальная версия отбытия Санахта гласила: «Владыка впал в печаль. В сильную печаль. Воплощение божественного Шу будет утешаться охотой на леопардов и пирами со друзьями в объятиях девственниц из Сарепты и мальчиков из Димашка. Присутствие жрецов, столпов государства, на этой охоте и пирах – будет тяготить Императора, и мешать отвлечься». Для большей доходчивости, каждому жрецу, по традиции входящему в окружение владыки, вместе со свитком из особой, «императорской» хлопковой бумаги, в котором говорилось о причине отъезда Санахта, прилагался остро отточенный бронзовый нож. На его лезвии умелой рукой дворцового оружейника была выгравирована надпись: «Воля воплощения Шу – священна. Заслушание – смерть».

Однако жрецы не были бы жрецами, если бы они не имели глаз и ушей среди самых близких друзей Владыки. Поэтому в этот же вечер, вместе с караваном, ушедшим за провизией в Хут-Ка, несколько человек, совершенно незнакомых друг с другом, везли с собой маленькие листки, на которых коротко описывалось, чем занимается Император.

Через пять дней эти листки оказались в руках жрецов

главных храмов столицы Тукана.

Почти все они, прочитав послание, просто пожали плечами на очередное чудачество

самодержца. Ну, подумаешь, устроил очередную оргию на боевой галере с друзьями. Ему

самое время сейчас беситься. Молод Владыка и кровь горячая. Пожали и забыли, занявшись более насущными делами по управлению государством.

Только два человека в Хут– Ка– верховный жрец храма Тира – Нахти, и верховный жрец

храма Бога смерти Сешта – Ако, прочитав послание, стали немедленно действовать.

Нахти доподлинно знал, зачем на берегу, напротив места отплытия боевой галеры

приказал вкопать Санахт гладко выструганный столб высотой в двадцать ксилонов из

либанского кедра и аккуратно разметить его красной и белой красками. И почему галера, взяв курс на север, отплыв на пять тысяч имперских локтей от берега, повернула назад, при этом останавливалась через каждые сто каннов, по приказу капитана.

Еще раз, внимательно прочитав послание, верховный жрец Тира, поднес листок бумаги к

огню светильника, постоянно горевшего в комнате храма, которую жрец использовал для

секретных встреч с проводчиками. Дождавшись, когда до-

нос догорит до конца, Нахти

хлопнул в ладоши. Спустя мгновение на пороге комнаты появился начальник тайной

службы храма. Опустившись на колени и глядя в пол, тот тихо, но отчетливо проговорил:

– Я здесь, мудрейший. Указывай.

Нахти, глядя не мигающим взглядом на огонь светильника, приказал:

– Проведчика в Геон к крокодилам. Всех, с кем он сюда ехал – тоже. До завтрашнего

восхода Шу, в личных покоях каждого главного жреца Хут-Ка, в светильниках

обязательно должно быть подмешано масло из трав «Сладкого Забвения» и «Воздушных

грез». Мне надо, что бы они все были уверены, что посвятили последние два дня женам и

наложницам и ничего не помнили кроме этого. Иди.

Когда начальник охраны храма, низко кланяясь, вышел, Нахти поднявшись со складного

табурета, взяв с собой светильник, подошел к задней стене комнаты и в определенной

последовательности нажал на четыре выступа на ней. Раздался чуть слышный скрежет, часть стены отошла, освобождая узкий проход. Верховный жрец бога Тира, не медля ни

мгновения, шагнул в него и очутился еще в одной комнате, посреди которой, совершенно

казалось бы не к месту, была возведена арка из гладко отполированных камней. Нахти опустился на колени перед этой странной аркой, поставил рядом светильник, вынул из-за пояса набедренной повязки маленький острый кинжал, полоснул им по ладони и кровью смазал каменный порог арки. Затем сел, скрестив ноги и начал вводить себя в транс медитации. Спустя тысячу ударов сердца, его тело сначала покрылось испариной, а потом, вдруг замерцало голубоватыми искрами. Как бы в ответ на эти искры, пространство внутри арки, неожиданно пошло рябью, как поверхность воды от брошенного камня, а потом вспыхнуло таким же голубоватым светом. Кровь с порога быстро исчезла, как ее и не было, и арка после ее исчезновения тут же перестала светиться. Нахти в изнеможении повалился на пол, тяжело и прерывисто дыша. Он выполнил свой долг, ради которого уже триста разливов Геона, то, уходя в тень, то опять выдвигаясь на первый план, оставался главным жрецом Бога мудрости Тира. Теперь главы его Дома, по крови Нахти узнают, что произошло в Империи Тукан, и получают сигнал тревоги и вызова...

***

Ако, верховный жрец храма Сешта, прочитав послание, повел себя необычно. Он вначале грязно выругался почему-то в свой адрес, называя себя странным словом – хезур, потом все же взял себя в руки, успокоился, поставил перед собой длинную восковую свечу, размеченную через равные промежутки красной краской, и зажег ее. Сел напротив скрестив ноги и начал чего-то терпеливо ждать, размеренно перебирая четки. Когда свеча догорела почти до конца, в дверь кельи, в которой сидел жрец, кто-то тихо поскребся. Ако оторвал задумчивый взгляд от маленького пламени и тихо произнес:

–Входи, старший ученик.

Дверь бесшумно отворилась, и в келью проскользнул невзрачный молодой мужчина, одетый как простой ремесленник. Он сел напротив жреца и выжидательно на него посмотрел.

Ако коротко кивнул ему:

– Рассказывай.

Пришедший мужчина достал такие же четки, как и у главного жреца и с сосредоточенной угрюмостью перебрал несколько бусин:

– Это наконец случилось, учитель. Впервые, за триста раз-

лизов Геона, в Хут-ка, в храме

Ти́ра, его Верховным жрецом, творилось не наше колдовство, а тяжелая, злобная волшба.

Волшба – замешанная на крови! Нахти кого-то настойчиво вызывал. Но кого, я так и не

понял. И это была не человеческая волшба. Вокруг остальных храмов оставалась

магическая тишина.

– Почему ты решил, что волшба была не человеческая?

– У нее другой рисунок. Человек-маг не может создать такой противоестественный узор.

Меня чуть не вывернуло наизнанку от его ненормальности, хотя я и находился в ста шагах

от храма. И кровь, которую использовал неизвестный маг...

– Что, кровь, Кеб? Отвечай быстрее!

– От нее простак разило зверем, и в то же время человеком. Жуткое сочетание.

– Ты полностью в этом уверен?

– Да, учитель. Я не ошибаюсь.

Лицо Ако закаменело и пошло пятнами:

– Передашь охране: храм Сешта немедленно закрыть. Со всем. На ночь в храмовый сад и

двор выпустить сторожевых леопардов. За любым, кто попытается проникнуть в храм –

следить неотступно, но не убивать. Обязательно выяс-

нить, зачем он это сделал. До моего

особого распоряжения не принимать никаких подношений от паломников и жителей столицы.

Он порывисто поднялся, открыл сундук, стоящий возле стены, вынул из него двенадцать

потемневших от времени деревянных браслетов и протянул их ученику:

– В каждые ворота города, с этого дня поставить по два наших человека, на руки, которых

будут надеты эти браслеты. Люди возле ворот должны находиться денно и ночью. Когда

пройдет или проедет некто, не важно, кто это будет, мужчина или женщина, раб или

господин и браслет, внезапно станет горячим, немедленно сообщить мне. За храмом Тира

и его верховным жрецом установить наблюдение. Но никакой магии при этом не

использовать. Предупреждаю, это очень опасно. Очень. Сохранять предельную

осторожность. Предельную. Зашевелились силы, с которыми мы можем не совладать.

Старший ученик, забрав браслеты, внимательно, снизу вверх посмотрел на жреца:

– Учитель, чего или кого вы так опасаетесь?

Ако тяжело и безнадежно вздохнул:

– Кеб, мальчик мой, ты не должен был ни в коем случае допустить того, что сейчас делает

Повелитель на боевой галере с друзьями. Ни в коем случае, понимаешь?! Слишком все это

не вовремя, и не к месту. Но происшедшего, к сожалению не воротишь. Великий Шу

может плыть в своей ладье по небу только с востока на запад ...

Поэтому я не опасаюсь, Кеб. Я теперь до дрожи в руках боюсь, что в Хут-Ка явятся

настоящие Хозяева этой земли. И да поможет тогда Сешт Императору Санахту с его тягой

к знаниям и нам, его охранителям ...

***

Если поставить одно, в рост человека, идеально отполированное серебряное зеркало

напротив такого же, по бокам у первого зажечь две свечи, или два факела, а потом встать

между зеркалами, то можно увидеть удивительный зеркальный коридор из отражений, по

краям которого мерцает множество огней. Однако эти идеальные зеркала простому

смертному поставить безупречно параллельно никогда не удастся. Поэтому последние

ряды отражений обязательно изогнутся, светящийся зеркальный коридор как бы уйдет «за угол». Вот там, за этим углом начинается то, что называется Тропой или – Дорогой.

Именно так, эти два слова и следует произносить – с заглавной буквы. Сам по себе зеркальный коридор может быть безобиден, но не эта Тропа – Дорога.

При должном стечении обстоятельств, выполнении определенных ритуалов, а главное – наличие в крови частиц кода некой расы, любой человек может сначала войти в

мерцающий коридор, а потом встать и на саму Тропу. Но помни, безумец, что ступив на

Тропу, ты очень рискуешь. Очень. Ты ночью опрометчиво вышел гулять в пустыню из

зыбучих песков, полную гнусных бандитов и по которой рыскает, алча не только твоей

крови, но и то, что люди называют «душой», множество тварей, которых ты не видел даже в самых страшных снах.

Там, на Тропе, за каждым ее поворотом все может мгновенно и непонятно почему

измениться. Ночь превратиться в день, небо из голубого стать оранжевым или зеленым, луна молниеносно исчезнуть, а звезды приблизятся, их станет бесконечно больше, и они

сложатся в причудливые созвездия, которые люди никогда не видели. Да и сама Тропа постоянно меняется. То она едва видная тропинка среди барханов песка, то просека среди мрачного леса, потом очередной поворот и решивший стать на эту Тропу человек шагает по дороге из громадных черных плит идеально подогнанных так, что и листа бумаги между ними невозможно вставить. И идет эта дорога по берегу лилового моря, ветер с которого почему-то пахнет увядшими цветами. За очередным поворотом, безумца ступившего на Тропу, может ждать лежащий на скале зверочеловек с телом льва, крыльями сокола и глазами полными бесконечной грустной мудрости на прекрасном женском лице. Он никого, этот зверочеловек, не пропустит не заставив отгадать его загадку. Никого и никогда. Ему просто скучно и сидит он на этой скале бесконечно долго. Никто не знает, кто и зачем поместил это существо на скалу и приковал несокрушимой серебряной цепью... А когда Тропа, в виде лесной просеки, неожиданно свернет направо или налево, то на ветках последних деревьев мрачного черно-зеленого леса могут сидеть громадные птицы с очаровательными женским

головами, которые так нежно поют, что невозможно пройти мимо не остановившись. И

тогда все. Конец путешественнику. Им, этим существам, не нужно тело бродяги

осмелившегося ступить на Тропу. Им нужна его душа. Это их пища. После этих песен, за

очередной поворот уходит уже нелюдь, зомби, навь, которую на еле видной тропке среди

серых песчаных барханов ограбят и убьют необычные существа – с туловищем осла и

торсом мужчины. Они без промаха стреляют из огромных луков стрелами, могущими

разить даже тех, кого люди в легендах называют бессмертными. И это только ничтожная

часть опасностей Тропы – Дороги от существ, которых можно назвать живыми.

Самое страшное для простого человека ставшего на Тропу то, что она постоянно

разветвляется, и на ней иногда лучше умереть от стрелы убивающей даже бессмертных, чем дойти до конца одного из ответвлений. Такая ветвь Тропы может закончиться снова

светящимся зеркальным коридором, который решил создать сумасшедший искатель

новых ощущений в каком-то мире, или оборваться напротив некой арки мерцающей

голубоватым светом. Там, за этим светом, может оказать-

ся не просто другой мир, а его
изнанка. Тень. Замирье. Обратная Сторона. И там, в этом
Замирье, тоже есть своя
бесконечно разветвляющаяся Тропа-Дорога, на которую
можно ступить юношей, а сойти
глубоким стариком всего через несколько ударов сердца.
Вот почему Верховный жрец Бога мудрости Тира – Нахти
благоразумно не стал входить в
арку, призрачный голубоватый свет в которой он создал
кровью и медитацией. Он
доподлинно знал, что ему грозит и где он может оказаться
без Проводника на Тропе.

По какому-то причудливому стечению обстоятельств, или
это действительно было так
задумано, кровь Верховного жреца, исчезнув с порога ар-
ки, блестящими алыми каплями, помчалась вдоль Тропы
– Дороги. Пролетев бессчетное количество ее ответвлений,
несколько раз оказавшись даже на изнанке самой Тропы, ее
Тени, алые капли наконец
решительно прошли через один из арочных проходов, но
на изумление в том же мире из
которого их послали, и как бы в задумчивости стали кру-
жить. Было такое впечатление, что они внимательно огляды-
вают место, в которое попали. А перед ними простиралась
зеленеющая горная долина, даже скорее – сад, посредине
которой стоял громадный дворец

– крепость.

Для человеческого восприятия этот дворец-крепость возводил явно безумный архитектор

и не менее безумные, но невероятно талантливые строители. Колоссальные черные

гранитные блоки, из которых его построили, были не просто положены друг на друга и

связаны раствором. Нет, никакого раствора и не было. Используя какую-то технологию, строители сначала гранит превратили в нечто мягкое и аморфное, склеили, а затем опять

позволили ему приобрести первоначальную твердость. По форме дворец напоминал

усеченную трехгранную пирамиду у которой под углом очень ровно срезана верхушка.

Окна этого строения были вытянуты длинными овалами и располагались в несколько

рядов только ближе к верху пирамиды, а зайти в саму крепость можно было лишь через

единственные несокрушимые ворота со сложным узором на металлической поверхности, напоминающим то ли тонкие письмена, то ли каллиграфический рисунок.

Однако весь этот комплекс из долины-сада и дворца-крепости, не смотря на величие и

пусть не человеческую, но красоту, производил впечатление некой запущенности и

покинутости. Он чем-то напоминал дом, в котором когда-то жила немалая семья, но затем, под давлением обстоятельств и времени, большая часть семьи этот дом покинула и не

вернется в него уже никогда. А оставшиеся члены этой семьи, позакрывав ненужные

теперь комнаты, перестали следить за садом и живут сами по себе, изредка встречаясь за

ужином, лениво разговаривая ни о чем. И главное – в доме теперь отсутствуют детские

голоса, крики при игре в мяч, бескорыстный и заливи́стый смех, визги при виде лягушки

или мыши, плачь от содранных коленок и сказки на ночь от бабушки после которых так

сладко и уютно спиться.

Капли крови Верховного жреца еще несколько мгновений в задумчивости покружили

перед аркой, а потом решительно ринулись в долину к дворцу-крепости. Подлетев к

одному из овальных окон, они будто подчинившись неслышному приказу

дисциплинированно остановились. Из окна высунулось полупрозрачное щупальце, как

сторожевой пес легчайшими прикосновениями внимательно «обнюхало» кровь жреца, признало своим, после чего защитная голубоватая, мерцающая завеса окна исчезла и

капли, вновь приняв неслышную команду, влетели внутрь дворца-крепости. Там они стремительно понеслись через коридоры и комнаты, порой напоминающие то тюремные казематы, то роскошнейшие покои императора. Капли летели через внутренние сады, в которых росли невиданные никогда людьми причудливые растения с оранжевыми, фиолетовыми и синими листьями. Они двигались через запустение и роскошь, через тлен давно покинутых странных треугольных и овальных помещений, в которых лежала не тронутая пыль веков, и проносились мимо статуй, которые одаренный скульптор изваял в виде противоестественного симбиоза древних хищников и людей. Наконец они влетели в большую четырехугольную комнату, или скорее библиотеку-кабинет в наверхие усеченной пирамиды, и с терпеливой медлительностью закружили перед каменной аркой, встроенной в одну из стен, пространство внутри которой светило мягким голубоватым светом. На противоположной стене от арки по всей ее площади хозяин кабинета разместил непонятную светящуюся объемную карту, состоящую из тысяч шаров, которые были соединены между собой множеством блестящих го-

лубых линий. Все эти шары, за исключением двух приветливо горящих зеленым, мерцали тревожным бордовым цветом.

Вскоре терпеливость капель крови Верховного жреца была вознаграждена. Пространство внутри арки пошло рябью, и из нее вначале вышел нагой, идеально сложенный

запыхавшийся высокий мужчина с длинными седыми волосами, а затем, спустя несколько

ударов сердца, вслед за мужчиной появилась обнаженная, безупречных форм

очаровательная, но усталая миниатюрная женщина. Мужчина утомленно уселся в одно из

кожаных кресел кабинета, тяжело вздохнул, приглашающе указал на другое кресло

женщине. Затем налил вино из объемистого золотого кувшина, стоящего на причудливом

низком столике из черного гранита, в два хрустальных бокала и уважительно передал

один из них спутнице:

– Все так же безнадежно, Первая Мать?

Женщина покружила вино в бокале, задумчиво пригубила, тоже вздохнула, а потом

поставила бокал на деревянный подлокотник кресла и иронично прищурилась:

– Яр, если будешь называть меня Первой Матерью, то я

просто вынуждена буду тогда

величать тебя Вторым Отцом Великого Дома Ибер. Даже когда мы наедине. И сразу

отвечаю на твой вопрос. Да, все так же безнадежно в моем направлении. Все выходы в

другие миры с Тропы наглухо для меня закрыты. За исключением, конечно – она

небрежно указала на два зеленых шара на карте – этих двух. Это значит, что они закрыты

и для всего Дома. А как у тебя?

Мужчина сделал большой глоток из своего бокала и так же, как его спутница поставил его на подлокотник:

– Прости, Марта. Что-то я сегодня не в настроении. Потому что как и ты опять не нашел

прохода. Даже малейшей червоточки в моем секторе. Не смог пройти даже через

Изнанку Тропы. Будь проклят этот Дом Пикчу!!

Марта подвинулась к Яру ближе и положила ладонь на его плечо:

– Мы все равно найдем выход, муж мой...

Ее образ как-то мгновенно перетек из образа женщины средних лет в образ

обворожительной юницы, полный тайн и обещаний. И хотя Яр как всегда был готов к

этому изменению и взгляду-улыбке, улыбке, бояться ко-

тору в своих легендах разумные

существа заклинаяют во всех мирах связанных Тропой, второе его сердце сладко екнуло и

забилося быстрее. Он положил свою большую ладонь поверх ее ладошки на своем плече:

– Дражайшая – ты безумно хороша...

Капли крови жреца, стараясь обратить на себя внимание, не нашли лучшего времени как

стремительно подлететь к этим двоим и закружить перед ними в танце-призыве. Марта

удивленно подняла на них глаза:

– Ого! Просьба о срочной встрече с нашей же Терры, от Нахти – главы грязного клана

Дома из Тукана. Что там у него случилось?

– С Тукана? Нашего прежнего жилища до войны с Домом Пикчу?

– Именно так...

Она протянула ладонь к алым каплям и те, как дрессированная послушная птица

опустились на ее пальцы и мгновенно впитались в кожу, как их и не было. Первая Мать

Великого Дома Ибер на несколько мгновений закрыла глаза, как бы во что-то тщательно

вслушиваясь, потом резко их открыла и пробормотала:

– А дело-то серьезное. На, сам прочитай послание...

На ее ладони внезапно появились несколько капель теперь

уже почти черной крови, которые плавно по воздуху перенесли к Яру и растворились на коже его руки. Второй

Отец, так же как перед этим Марта, несколько мгновений сидел с закрытыми глазами.

Потом потряс головой, будто сбрасывая наваждение и раздраженно проговорил:

– Безволосые хезуры. Как они до этого додумались? Только же недавно слезли с

деревьев... А ведь надо идти туда, Марта. Дело действительно серьезное, как и

предыдущее у огнепоклонников из Парса. Странно все это. Уж очень все похоже.

Необходимо разбираться на месте. Сколько же мы не были в Тукане?

– У них главная река под названием Геон, если ты не забыл, и они меряют время по ее

разливам. Так вот, судя по их летоисчислению, не появлялись мы там приблизительно

тысячу разливов Геона.

Второй Отец удивленно поднял брови, а затем удрученно покачал головой:

– Как беспощадно время... а кажется, все было только вчера – он еще некоторое время

сидел глядя прямо перед собой, вздохнул и решительно поднялся с кресла:

– Драгоценнишая, предлагаю на время оставить наши по-

пытки прорваться через барьеры

Тропы и сосредоточиться полностью на Тукане. Тем более, что посетить родину предков было моим давним желанием.

Марта также поднялась, чарующе улыбнулась, обняла его шею и погладила тонкими пальцами по виску:

– Конечно, яростный. Только давай не спеша пойдем к проходу, через который к нам

попала кровь жреца. Прогуляемся по саду, полюбуемся цветами ну и, конечно, заодно

обговорим наши планы. Да, кстати, надо не забыть что-нибудь на себя надеть. Насколько

я помню, безволосые хезуры относятся к полной наготе несколько предвзято....

Глава 1

Желто-серая ящерица стремительно взбежала на вершину небольшого бархана, тревожно

огляделась по сторонам, а потом торопливо зарылась в песок. Горячий, обжигающий

смерчок, гонявшийся за жительницей пустыни с полудня, не поймав ее в объятья, раздраженно подхватил маленькую горсть песка, выброшенную лапками рептилии и

бросил ее в лица бредущим между барханами мужчине и

женщине.

Мужчина небрежно отмахнулся от песка и иронично взглянул на спутницу:

– Как тебе опять дышится на родине предков, Марта-суэи?

Женщина в ответ равнодушно пожала плечами, а потом капризно скривила губы, которые

должны были давно потрескаться на такой немилосердной жаре, но почему-то до сих пор оставались ярко-красными:

– Никак, Яр-хат. И вообще, между нами, как мне кажется, мы могли бы не пользоваться

этими бессмысленными для нас приставками к именам. Я скоро сломаю себе язык.

Мужчина учтиво склонил голову:

– Ничего не поделаешь, незабвенная. Не мне же объяснять тебе значение слова

«необходимость». Было бы смешно...

Он внезапно прервал фразу, остановился и поднял голову к небу. Постояв так несколько

мгновений, мужчина по-звериному вдумчиво понюхал горячий воздух пустыни и снова повернулся к спутнице:

– Мы пришли, драгоценная... Ты разве...?

Женщина чуть улыбнулась:

– Еще за тысячу шагов отсюда, Яр. Просто ты последнее

время после неудач с Тропой

слишком злоупотребляешь «травой радости», которая не только притупляет нюх, но и

внимание. И ты даже не заметил пограничный столб, который сам и установил – она

небрежно указала пальцем на небольшой обтесанный камень, торчащий из песка.

Ее спутник раздраженно повел плечами, подошел к камню, присел рядом и провел по

поверхности пальцами. Время и солнце неторопливо сделали свою работу. Когда-то

гладкая, отполированная поверхность теперь была покрыта вмятинами и трещинами. А

предупреждающий символ в виде черепа «Хо» – «Дальше только Смерть», которым

предостерегали полудикие западные племена, некогда грозно смотревший с вершины

пилона в три человеческих роста, сейчас едва выглядывал из под песка...

Яр еще раз задумчиво провел по камню ладонью, потом решительно поднялся и угрюмо

взглянул на спутницу:

– Пора приниматься за дело, несравненная... Надеюсь, ты не забыла, что здесь обычное

дело нападать на женщин, если они не местные?

– Да, пора, яростный. И я ничего и никогда не забываю –

женщина хищно усмехнулась -
тебе ли об этом не знать...

После этой фразы они встали друг против друга и начали как бы исподволь, но неумолимо меняться. Оба сразу как-то стали более усталыми, плечи их согнулись, и даже тонкая песчаная пыль, казалось бы, опасавшаяся надолго оставаться в их волосах и на почти обнаженных телах, торопливо решила наверстать упущенное.

Спустя две сотни ударов сердца, среди песков великой пустыни стояли два совершенно других человека, которые внимательно осмотрев друг друга, устало и тяжело двинулись в ту сторону, о которой не двусмысленно предупреждал древний символ...

Атсу, второй воин пятого десятка пограничного гарнизона, расположенного на краю великой пустыни, сегодня был часовым. И часовым откровенно скучающим. Он вчера опять проиграл две партии в азартной игре под названием «собаки и шакалы», и теперь десять раз подряд будет расплачиваться за свою порочную страсть, стоя здесь, в глинобитной сторожевой башне в самые жаркие часы и

наблюдать за пустыней, что бы ее

Сешт опять пожрал.

Часовой с подвыванием зевнул и тряхнул головой, чтобы не уснуть. Солнце пекло

немилосердно и казалось, его беспощадные лучи прожигают даже крышу башни, укрытую

высохшим камышом. От скуки и жары Атсу, облокотившись на хлипенькое деревянное

ограждение, начал напевать нечто заунывно-бесконечное, такое же унылое, как и

подступающие к маленькой крепости пески. Но внезапно, как будто за эту песню пустыня

решила наградить воина, она из-за ближайшего бархана разрешила выйти двум фигурам -

мужской и женской. Эти двое, поддерживая друг друга, еле передвигая ноги, доплелись до

груды камней, лежащих прямо напротив башни, и упали на них от усталости...

Атсу потер глаза от изумления. Фигуры никуда не делись. Воин озадаченно произнес -

«И-е-е» – потом окончательно пришел в себя, и прыгая через ступеньку, стремительно и

рванул вниз, докладывать командиру этого Шу забытого гарнизона.

Командир, как обычно, в это время возлежал возле источника и с тупой угрюмостью

смотрел перед собой. Он, начальник тысячи в столице, был сослан сюда, как утверждали

злые языки, за настойчивые взгляды в сторону гарема Императора. И только благодаря

своим многочисленным и влиятельным родственникам, дело обошлось именно ссылкой. А

ведь вопрос стоял очень остро. Скажем так же остро, как и остр хирургический нож

придворного лекаря, одним движением превращающий ходока и кутилу в очень

осторожного и покладистого евнуха...

Атсу склонился в торопливом поклоне:

– Здоровья, радости, силы – милостивый Джахи.

Командир лениво поднял на него мрачный взгляд:

– Чего тебе, бездельник?

– За стеной мужчина и женщина.

Джахи встрепенулся, как боевой леопард, услышавший удары полкового барабана.

– Женщина?!!

– Да, милостивый. И она, как я сумел рассмотреть, красива, хоть вся в пыли.

Командиру полусотни и его подчиненным уже давно приелись десять рабынь, которых

отряд взял с собой в этот караул на сто восемьдесят восходов Шу. И сменить их не было

никакой возможности. Ну, Сешт бы их побрал, совершен-

но никакой...

Джахи решительно поднялся:

– Эй, вы четверо – он властно окликнул ближайших воинов, лениво чистящих свои боевые серпы – пойдете со мной.

Повинуясь приказу начальника гарнизона, часовые у ворот чуть приоткрыли створки и четверка, возглавляемая Джахи, целеустремленно двинулась к двум замершим от страха фигурам.

Не дойдя до мужчины и женщины пяти шагов, командир полусотни остановился и

внимательно оглядел странную пару. Мужчина, хоть и на голову выше Джахи, да и шире

в плечах, безвольно свесил руки и подрагивал как кролик, угодивший в силки. А

женщина, даже под слоем грязи, действительно была хороша. Да, определенно хороша...

Если ее помыть....

Джахи, не скрывая своих чувств, облизал губы и сделал шаг вперед:

– Кто такие? Как здесь оказались? Быстро отвечать!

Однако при этом он почему-то смотрел только на женщину...

Эти двое из пустыни, не медля ни мгновенья, упали на колени, а мужчина, с дрожью в

голосе, заикаясь, ответил:

– Мы просто бедные странники, милостивейший – здоровья, радости, силы тебе.

Странники, отставшие от каравана...

Джахи, заложив большие пальцы за пояс и выпятив нижнюю губу, масляными глазами

продолжал смотреть на женщину. На ней ничего не было надето, кроме набедренной

повязки и соски ее груди вызывающе смотрели в стороны. Командир маленького

гарнизона оценивающе прищурился:

– И чего хотите, а?!

Мужчина, еще ниже склонив голову, хрипло прошептал:

– Только воды, светлый и милостивый воин. Больше ничего....

Джахи раскатисто хохотнул:

– За все в этой жизни надо платить, странник. Я дам тебе воды, если твоя женщина – он

сделал движение губами, как будто хотел ими попробовать сладкую, мягкую виноградину,

– пойдет с нами. Впрочем, я могу и не дать ее тебе, а девку забрать силой. И ты тогда

подохнешь в этой пустыне до следующего утра.

Мужчина почти лег животом на песок:

– На все воля божественного Шу. Пусть идет с тобой. Дай только пить.

Начальник гарнизона презрительно сплюнул. Такой здоровый, а сердце как у трусливого шакала. Отцепив от пояса полупустую тыкву, в которой плескалось немного воды, Джахи бросил ее к ногам мужчины:

– На, забирай и пошел вон отсюда.

Мужчина, призывая на голову великодушного воина все блага великих богов Тукана, на коленях подполз к сосуду, схватил его дрожащими руками, дергая судорожно кадыком, начал пить. Потом, не переставая кланяться, и не бросив даже взгляда на спутницу, отполз

за камни, и оттуда опять донеслось бульканье воды.

Джахи взял женщину за подбородок и чуть его приподнял, заставляя смотреть себе в глаза:

– Давай-ка собирайся, красавица. Обещаю, в течение многих ночей, да и дней тоже, тебе не будет скучно.

Воины, сопровождавшие командира гарнизона, захохотали, одобряя его незамысловатую шутку. Женщина, повинувшись воле Джахи, покорно подняла голову и командир встретился с ней взглядом. Сладкая и горячая волна немедленно прошла по позвоночнику воина и так ударила в голову, что у него перехватило дыхание. Затем

эта волна, все сокрушающим

потоком вернулась и прошла по вздыбившимся немедленно чреслам с такой силой, что

командир гарнизона почувствовал в себе что-то древне-жутко-сладкое, превращающее

мужчину в зверя-самца. Самца, готового сражаться за самку с целым миром, а потом, победив этот мир, сразу же овладеть предметом своего вождения тут же, прямо среди крови и поверженных тел. Женщина неторопливо поднялась с камней. От ее бывлой

покорности не осталось и следа. Перед солдатами маленького гарнизона стояла властная, уверенная в себе госпожа, привыкшая к тому, что слуги сломя голову бегут выполнять ее

любое желание по единственному движению брови. Она каким-то образом одновременно

смогла заглянуть в глаза всем воинам сопровождавшим Джахи. Их дыхание сразу

участилось и они, не контролируя себя, схватились за рукояти своих боевых серпов, готовясь вступить в смертельную схватку, каждый сам за себя, за обладание самой

желанной женщиной, которая когда-либо рождалась под светом звезд. Все человеческое, что было нанесено на их личности цивилизацией Тукана, испарилось в один миг под этим

взглядом. Навсегда. Это были уже совсем не люди. Так же

как и Джахи.

Женщина плотоядно улыбнулась:

– Я уверена, великие воины, что мне действительно не будет скучно. Но я хочу, что бы вы пока не убивали друг друга...

Она, покачивая бедрами, не оборачиваясь, пошла к воротам крепости. Рычащей, воющей

сворой, пятеро, что были только что людьми, ринулись за ней.

Внутри укрепления женщина вступила как завоеватель. Никто не смог избежать ее

взгляда. А она, непонятно чему смеясь, сбросив с себя набедренную повязку, начала

грациозно плескаться в источнике, вокруг которого и была построена крепость.

Свирепо поглядывая на своих соперников, стая бывших людей сгрудилась вокруг, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, ожидая любого приказа своего нового кумира.

Вволю наплескавшись, женщина из пустыни, наконец, соизволила обратить на одного из

них внимание. Она, нисколько не смущаясь наготы, светясь алебастровой кожей, вышла

из источника, вплотную приблизилась к нему и, касаясь груди воина своими розовыми

затвердевшими сосками, потрепала по щеке:

– Как тебя когда-то звали, хезур?

Тот, в сладком томлении, опустил перед ней на колени:
– Атсу, несравненная.

Женщина задумчиво еще раз провела ему ладонью по щеке, посмотрела прямо в глаза и хищно улыбнулась:

– Хочешь меня безволосая обезьяна Атсу?

– Больше жизни, прекраснейшая.

– Тогда начинай убивать, Атсу!! Немедленно!!

Она неуловимо быстро повернулась вокруг своей оси, подняла руки вверх и, смеясь, щелкнула пальцами:

– Начинайте убивать!! Вы, все!! Я буду принадлежать тому, кто останется последним!!

Свора бывших людей лишь одно мгновение стояла на месте. А потом, рыча и воя от

жажды сеять смерть, они свирепо кинулись друг на друга...

Бывший человек, кого когда-то звали Атсу, одним ударом боевого серпа, снес голову

тому, кто был когда-то его родным братом. Но прожил после этого только пять ударов

сердца, упав разрубленным сразу под ударами трех серпов...

А обнаженная женщина, посреди этой вакханалии убийств, все громче и громче ритмично

щелкала пальцами и язвительно смеялась:

– Вы разве мужчины и воины?!! Да я лучше проведу ме-

довую ночь с вашими шлюхами, чем с вами!!!

Через два десятка ударов ее сердца, все рабыни были вы-
тащены за волосы из клетушки, в

которую они от страха забились, и тут же обезглавлены...

В самом центре воющей, уничтожающей саму себя своры
бывших людей Марта, теперь

аритмично хлопая в ладоши, внезапно начала танцевать в
каком-то пугающем, рваном

ритме. От ее тела стал отчетливо исходить приторный за-
пах давно увядших цветов, зрачки запыльхали янтарным ог-
нем, вытягиваясь в вертикальную черту, и в них

заплескалась жажда крови хищника вышедшего на охоту.

Она танцевала Макабре –

«пляску смерти Разума» Первой Матери Великого Дома
Ибер, пляску уводящую любе

мыслящее существо в царство сумасшествия вседозво-
ленности...

Макабре была ужасна как первородный грех и как перво-
родный грех безумно

притягательна. Все звериное, что человек прячет даже от
самого себя, она вытягивала из

сознания убивающих друг друга вчерашних друзей и бра-
тьев, своими движениями. Ее

тело, в обещании запредельного, гадко-сладкого удоволь-
ствия, изгибалось так, как

никогда не смогло бы изгибаться тело человека. Каждый

жест ее животного танца говорил

стае: «Вам можно теперь все чего вы боялись и стыдились. Ничему нет преград».

Вавилонская Блудница, Сестра Лжи так ее мог бы сейчас назвать жрец еще не рожденной

религии из другого мира, подымая в страхе перед собой крест и, в то же время, до спазма

в чреслах, желая очутиться в объятиях этого создания. Но кто знает, появится ли теперь та

религия, да и сам тот Вавилон, после того, как эта женщина очутилась внутри Шу забытой

крепости? Однако давай не будем заглядывать в Книгу Судеб, читатель. Пусть все идет свои чередом.

Женщина последний раз хлопнула в ладоши, завершив наконец танец, и медленно, из-под

полуопущенных век оглядела заваленный трупами двор крепости. Сейчас это место было

похоже на скотобойню, где закончили орудовать топорами безумные мясники. К ее

удивлению, тот, которого мать в далекой, не этой жизни когда-то назвала Джахи, по

странной прихоти судьбы остался жив. Весь в крови, опираясь на обломок копья, он, пошатываясь от усталости, спотыкаясь об изрубленные тела бывших подчиненных, подошел к женщине и хрипло произнес:

– Я последний. Ты моя!

Она покорно склонила голову ему на грудь:

– Да, великий воин...

Потом чуть отстранилась, нежно-нежно улыбаясь, неуловимо стремительным ударом

вытянутых в живое лезвие пальцев узкой ладошки разорвала ему брюшину и, сомкнув

пальцы, вырвала печень. Невинно глядя в начавшие тут же стекленеть, но еще живые

глаза Джахи, женщина острыми, совсем нечеловеческими зубами откусила ее кусок, а

потом шутливо подмигнула:

– Нет, милый, я тебя обманула, прости...

А затем с силой, которую нельзя было заподозрить в ее хрупком теле, левой рукой

отшвырнула умирающего на другой конец двора.

Сразу же, вроде как дождавшись завершающего штриха этого карнавала убийств, снаружи, по воротам крепости будто ударил таран. От этого удара, тяжелые ворота с

грохотом слетели с бронзовых петель. Но из пыли и мусора, за клубившихся в пустом

проеме, раздались не победные крики внезапно напавших жителей великой пустыни Ха, извечных врагов Империи Тукан, а лишь ворчливый голос Яра:

– Помощь нужна, несравненная?

Женщина, возбужденно покачивая бедрами, вплотную

подошла к своему спутнику, как

бы невзначай касаясь гладким коленом, протянула только что вырванную печень и, целомудренным, щебечущим голосом проговорила:

– Есть хочешь, Яр?

Мужчина вздохнул и укоризненно покачал головой:

– Остынь пока прелестнейшая. Ты же знаешь, пока я сам не захочу, на меня твои штучки не будут действовать.

Марта похлопала длинными ресницами:

– Ну, хоть попытаться я все же была должна, согласишься?

– Несомненно, жена моя. Несомненно. Однако позволь тебе напомнить, что сегодня мы развлекаться не намеривались. Так что, пора за дело. Все происшедшее должно напоминать нападение грязных дикарей из пустыни.

Его спутница задумчиво посмотрела на печень, которую все еще держала в руке, потом решительно ее отбросила и деловито вытерла руки о голые бедра:

– С чего начнем?

Яр обвел двор и помещения крепости оценивающим взглядом:

– Естественно с ослов, ведь за ними мы и пришли. Я займусь ими, провиантом и водой, а ты собери все побрякушки с трупов. Они нам еще приго-

дятся.

Ближе к вечеру, когда солнечная ладья должна была уже вести великого Шу на отдых, из

проема, оставшегося от выбитых ворот крепости, вышел небольшой караван, состоящий

из двадцати нагруженных ослов. Ведя первое животное за уздечку, мирно и о чем-то

увлеченно беседуя, шли высокий мужчина с длинными седыми волосами и миниатюрная

женщина. Дойдя до вершины первого от крепости бархана, караван остановился.

Мужчина выжидательно посмотрел на спутницу:

– Отсюда?

Та огляделась и коротко кивнула:

– Да, это самое удобное место.

– Животным не повредит?

Марта с недоумением взглянула на своего мужчину:

– Конечно, им это не повредит. Главное, чтобы они не стояли напротив меня. А теперь не мешай, сделай милость.

Женщина развернулась лицом к крепости и несколько ударов сердца, склонив голову к

плечу, с любопытством исследователя ее рассматривала. А затем, внезапно, начала петь.

Ее песня тихим, завораживающим шепотом зашелестела над пустыней. Как бы отвечая на

этот шепот-призыв, песок над ближайшими барханами за-
клубился и быстро потек в
сторону женщины, как послушный пес, спеша на призыв
своего хозяина. С каждым
мгновеньем песня-призыв становилась громче и громче
и, повинувшись ей, песок буйным,
разрастающимся смерчем завращался впереди создателя.
Марта, вдруг оборвав песню, грозно и повелевающе рыкну-
ла. Исполняя этот рык-приказ песчаный смерч, уплотнился
до твердости гранита и все сокрушающим тараном ударил
в стену маленькой крепости.

Проломив ее, смерч яростно ворвался внутрь и закружил-
ся в экстазе разрушения. Три
оставшиеся целыми стены пошли трещинами и крепость
начала проваливаться внутрь
себя.

Когда пыль улеглась, среди барханов древней пустыни ле-
жала просто очень большая гора
мусора...

Позади Марты раздался восхищенный голос:

– Прекрасная работа, несравненная.

Она повернулась к спутнику и чарующе улыбнулась:

– Благодарю, неистовый. Уходим?

– Да, нам пора.

Беззаботно смеясь и толкаясь, они сбежали с бархана, не
сговариваясь, подхватили

первого осла из каравана за уздечку, и скоро весь караван исчез среди барханов. И только
взошедший Сотис – самая яркая звезда на ночном небе, мог слышать о чем тихо беседует
эта пара, уничтожившая целую крепость с гарнизоном на древней границе Империи Тукан
и великой пустыни Ха, ради двадцати выючных животных...

Глава 2

Пять суток маленький караван шел по пустыне на север и почти параллельно западной
границе Империи Тукан. Днем, Яр и Марта, стреножив предварительно ослов, отдыхали
под льняным навесом, предусмотрительно захваченным из разрушенной крепости. А
вечером, когда ладья божественного Шу скрывалась за горизонтом и на небе неизбежно
появлялась драгоценная россыпь из звезд, они опять отправлялись в путь. Женщина
обычно ехала на втором осле, любуясь небесной астральной дорогой и серебряными
волосами спутника идущего во главе каравана.
Но на шестое утро, когда одно из животных наступило своим копытом на пучок высохшей

травы, появляющейся здесь из-за порой додувающих в эти места ветров Великой Зелени, мужчина не стал давать команду на остановку. Он огляделся по сторонам, поднял взгляд

на гаснущие звезды и повернулся к спутнице:

– Мы почти пришли, несравненная. Думаю, когда Шу переплывет зенит, будем на месте.

Поэтому останавливаться не будем.

Женщина, слезла с осла, поправила сарафан пурпурного цвета, снятый ею с одной из

убитых рабынь в крепости, подошла к мужчине сзади, обняла и промурлыкала:

– Как скажешь Яр, как скажешь...

Он ничего не ответил, только легонько коснулся губами алебастрово-белой кисти

спутницы и двинулся дальше, оглядывая с каким-то налетом ностальгии окружающие их

барханы и скалы.

Марта быстро догнала его, взяла за руку и пошла рядом:

– Ты случайно не загрустил, Яр?

Ее спутник неопределенно пожал плечами и указал пальцем на груды красных камней:

– Помнишь дражайшая, из-под них когда-то выбивался ручей, вода в котором была почти

сладкой. Ты поила меня ею из своих ладоней, и каждая капля хмелила сильнее, чем кубок

древнего вина из подвалов моего отца. А на месте этих песков стояли старые фруктовые деревья, под тенью которых было так славно любить тебя и мечтать...

Женщина отпустила руку спутника и проговорила с еле сдерживаемым раздражением:

– А, по-моему, ты повторяешься. Где бы мы ни были, ты всегда видишь прошлое. Забудь о нем, неистовый, его больше нет, и не будет.

Яр остановился и со злостью пнул ногой камень из красного гранита. От этого удара

босой ступни мужчины, камень который мог бы лежать в основе несокрушимой крепостной стены, разлетелся вдребезги:

– Меня просто воротит от этих безволосых обезьян.

Женщина, с силой, необычной для ее хрупкого сложения, схватила мужчину за плечо и развернула в свою сторону:

– Не ври себе, Яр. Не надо. Тебя воротит не от них, а от их потенциала. Тебе просто ненавистны их возможности.

Он посмотрел на нее исподлобья и тихо, с затаенной горечью проговорил:

– Это мой мир, а не их. Эта свора может превратить его в помойку, если будет так бурно развиваться. Мы уже рисовали картины, писали слож-

нейшие философские трактаты, занимались наукой, ходили Тропой между Мирами, а они еще прыгали с дерева на дерево

и тайком от хищников пожирали падаль. И все это рядом с нами. Надо было их еще

тогда... Вороватые, подлые, ленивые хезуры. И слишком быстро плодятся...

Марта отвела от него взгляд и почему-то вздохнула:

– В отличие от нас...

Он погладил ее по голове и с нежностью в голосе проговорил:

– Все еще вернется, незабываемая. Мы обязательно найдем лекарство от оружия

«последнего дня» Дома Пикчу, изменившего жизненный код женщин наших Домов.

Поэтому ты права. Не время сейчас смотреть в прошлое. Будем жить настоящим и делать

то, зачем сюда явились...

В глазах женщины блеснул победный огонек. Она все-таки сумела встряхнуть своего спутника:

– Вот и займись. А то скоро только и будешь уметь, что глотки резать и камни ногой разбивать.

Яр понимающе усмехнулся, но ничего не ответил, взял за повод первого осла в караване, дернул, и они двинулись

дальше. Когда ладья Шу действительно начала подплывать к зениту, перед путниками все чаще стали появляться нагромождения скал, становившихся

все выше и выше. Они со всех сторон незаметно обступили маленький караван, идущий

теперь по узкому, прохладному каньону. Свернув за очередной поворот, тропинка под

ногами мужчины и женщины внезапно закончилась, и они вышли в маленькую долину, не

больше трехсот шагов в длину и ширину, окруженную со всех сторон высокими скалами.

Неведомые строители и архитекторы, когда-то очень хорошо поработали с этой долиной, вложив в нее свою непонятную душу и высочайшее умение. Они построили в ее центре

изящный храм из золотисто-дымчатого кварцита. Пять его тонких, воздушных башен

окружали центральное строение. Все они были увиты резьбой по камню, изображавшей

всевозможные способы любви не только людей, но и людей с различными видами живых

существ. А пять стен самого храма, образовывали пентакль, над которыми возвышался

черный купол. Стены храма были также увиты каменной резьбой. Но на них неизвестные

резчики по камню, изобразили только смерть во всех ее

неприглядных видах и

многообразные способы убийства живых существ. Храм неизбежно приковывал к себе

взгляд своей мерзко-сладкой откровенностью, как могут неминуемо притягивать к себе

внезапно старческо-циничные глаза пятилетнего невинного ребенка, или отвратно-

гнустный голос старой ведьмы у девушки, вступившей в пору созревания и расцвета.

Три группы фонтанов по два в каждой, из отполированного малахита, одна перед храмом

и две по бокам, завершали каменный ансамбль. Скульптуры, с вершин которых в далеком

прошлом струилась журчащая голубая вода, стоящие в центре каждого фонтана, были не

менее странны, чем изображения на стенах храма. Это был противоестественный симбиоз

древних хищников и людей. Нет, не тех примитивных симбионтов, которых начали

рисовать люди в Тукане, приделывая людскому телу голову животного. Нет. В этих

скульптурах все было натурально и правдоподобно. Правдоподобной была каждая деталь, каждый штрих, вырезанный резцом талантливого скульптора. И притягательное тело

молодой, красивой женщины, с высокой зовущей грудью, незаметно переходящее в хвост

огромной змеи. И могучий торс разгневанного мужчины в цвете лет, плавно переходящий в нижнюю часть тела, стоящую на двух трехпалых лапах, каждый палец которых заканчивался огромным когтем... Это были существа из ночных кошмаров людей, из их страшных сказок на ночь свои детям. Волей одаренного скульптора закаменевшие чудовища, готовые в любой момент спрыгнуть с постаментов и ворваться в жалкие глиняные лачуги на берегах Геона.

Между фонтанами и храмом когда-то были проложены дорожки из гладко отесанных плит, по обе стороны которых стояли апельсиновые деревья, роняющие тяжелые, оранжевые плоды на белый мрамор. Вся эта композиция из золотистого, голубого, черного, зеленого, белого и оранжевого когда-то лежала как драгоценный, переливающийся камень на бордовом бархате из окружающих маленькую долину скал.

Но, к сожалению, все это было в невероятно далеком прошлом. Время наложило свою беспощадную печать на творение неведомых строителей, архитекторов и скульпторов.

Теперь резьба на стенах храма и башен наполовину обвалилась, зеленый малахит давно не работающих фонтанов потрескался, ослепительно белый

мрамор дорожек стал грязно-желтым. И только апельсины продолжали источать трепетно-зовущий запах жаркого юга.

А среди этого царства запустения бродил и пел свою унывную песню ветер. Песню-обещание, которое никогда не сбудется...

Яр оглядел долгим взглядом долину и пробормотал:
– Однако я надеялся, что все будет не так плачевно...

Потом раздраженно сплюнул, и больше не говоря ни слова, повел караван по дорожке ведущей прямо к центральному входу в храм. Апельсины звонко лопались и

разбрызгивали сладкий сок под копытами животных. Марта, совершенно не обратив

никакого внимания на представшее перед ней запустение, ловко, по кошачьи, изогнулась на спине осла, подобрала несколько плодов с земли и стала их с удовольствием есть.

Подойдя к храму, Яр привязал повод животного, которого вел первым к какому-то

выступу в стене. Затем порылся в кожаном мешке, закрепленном на спине осла, достал из

него четыре масляных светильника, огниво и аккуратно все это завернул в тук. Подхватив

его левой рукой, правую протянул своей спутнице:
– Прошу, дражайшая.

Она оперлась на его ладонь и легко спрыгнула со спины осла:

– Спасибо, яростный, ты как всегда галантен.

Так и держась за руки, они поднялись по ступеням. Двери храма давно упали от старости

и превратились в труху, поэтому ничто не помешало им войти внутрь.

Главный зал храма встретил их тленом покинутости. Солнечные лучи, попадавшие в зал

через полуобвалившийся черный купол, дрожали в частичках пыли, поднятой с плит

ногами мужчины и женщины. Вездесущие голуби еще вечность назад устроили свои

гнезда прямо под потолком. Они, хлопая крыльями, тревожно начали взлетать, услышав

шаги Марты и Яра, а потом в панике вылетели сквозь пролом в куполе храма.

Мужчина и женщина огляделись. Несмотря на запущенность, невооруженным взглядом

было видно, что главный зал храма был спроектирован прекрасным архитектором, понимающим, что простота может быть изящна и совершенна. Материалом для

оформления здесь стал красный и черный полированный гранит. Пол и стены были

отделаны красными плитами, а напольные светильники, в два человеческих роста, стоящие вдоль стен, изваяны из

черного камня. Таким же угольно-черным был и широкий алтарь, расположенный прямо в середине зала. А по обеим сторонам от него, на

невысоких пьедесталах горделиво сидели два крылатых льва с человеческими головами, высеченными неведомым скульптором из золотисто-дымчатого камня. И лица этих мифических животных были точными копиями лиц Марты и Яра...

Яр положил на пол тук и подошел к алтарю. Провел по камню ладонью, брезгливо ее

осмотрел, вздохнул, а потом без всякого почтения взобрался на алтарь, удобно сел и стал

покачивать ногой, с любопытством оглядываясь по сторонам. Его спутница опустилась на

корточки и начала рассматривать человеческий скелет, лежащий перед статуей льва с ее

лицом. Судя по совершенно истлевшей шкуре леопарда, которая на него когда-то была

надета, скелет мог принадлежать жрецу. Марта взяла в руку череп, задумчиво оглядела, зачем-то даже понюхала, а затем пробормотала:

– Я его не знаю.

Она равнодушно отбросила череп, поднялась с корточек, и, глядя прямо перед собой, внезапно властно произнесла:

– Подойди ко мне!

Из-за светильника тут же робко выглянул мужчина в про-

стой набедренной повязке. Он

сразу опустился на колени и пополз на них к Марте. Не допозля четырех шагов, мужчина

уткнулся головой в плиты пола и, застыв в позе полной покорности, еле слышно

проговорил:

– Вы и не могли знать прежнего жреца, божественные. Вас слишком долго не было.

Прошла тысяча разливов Геона с момента последнего посещения вами своего храма.

Силы, радости, крови вам величайшие...

Марта величественно повернулась в сторону незнакомца. За ее спиной неожиданно грозно

затрепетали два громадных крыла будто сотканые из муарового тумана. Все тело

покрылось темно-серым, отсвечивающим тусклым металлом подшерстком, разноцветные

глаза, ставшие совершенно черными, удлинлись до висков, зрачки, блеснув

расплавленным золотом, вытянулись в вертикальную черту, а на пальцах ног и рук

выступили несокрушимые блестящие когти:

– Встань и открой лицо, хезур!

Мужчина, не медля ни мгновенья, вскочил на ноги и молитвенно сложил перед собой

руки. Он весь дрожал и покрылся потом от страха, не

смотря на прохладу, царившую в храме. Первая Мать подошла к нему, ранив когтями кожу лица, взяла за подбородок и стала осматривать, бесцеремонно поворачивая голову то вправо, то влево, при этом настороженно приплюсываясь. Подбородок мужчины был острым, а нос тонким и прямым.

Природа и родители дали мужчине большие глаза с зеленой, переходящей к краю в черный цвет, радужкой. Прямые, огненно рыжие волосы на голове были не сбиты, а

завязаны узлом на затылке. Но главным был все же его запах. Он для Марты являлся основной меткой. И это запах говорил о том, что в крови стоящего и дрожащего перед ней

хезура, была и частичка жизненного кода ее Дома. Видно, когда-то в далеком прошлом, воин ее Дома из чистого клана, дал насладиться незабываемыми моментами телесной любви человеческой самке, что и позволило ей родить плод с новыми способностями. Все

это означало только одно: стоящий перед ней человек был членом одного из грязных

кланов ее Дома. Мельчайшие доли крови ее расы в крови таких людей, позволяли им жить

на две-три сотни разливов реки, называемой ими Геон, дольше, чем обычным людям. Они

становились теми, кого окружающие с боязнью и почтением называли магами,

волшебниками или колдунами, совершенно не понимая природы сил, которыми те

управляли. При этом магами беззаветно преданными своему и только своему Дому. Эх, если бы не проклятое оружие «последнего дня» теперь уже уничтоженного Дома Пикчу, сделавшее женщин ее расы бесплодными, может быть перед ней сейчас стоял бы ее

прямой, с чистой кровью, потомок...

Первая Мать силой воли отогнала эту горькую мысль, плавно перетекла в человеческую

ипостась, ставь вновь просто изящной и миниатюрной женщиной неопределенного

возраста, выпустила лицо мужчины и чуть нахмурилась:

– Почему ты нас не встретил, как подобает, жрец?

Мужчина в набедренной повязке позволил себе облегченно выдохнуть. Его не стали сразу

убивать:

– Я... я испугался...

– Как тебя зовут?

– Уоти, божественная...

– Уоти – это значит «мятежный духом»?

– Да, величайшая – силы, радости и крови тебе.

– Назови свой клан.

– Клан Смотрящих и Изменяющих, божественная. Силы,

радо...

Марта поморщилась:

– Сделай милость, Уоти, отвечай коротко, без всех этих славословий и пожеланий.

– Я понял, Первая Мать Великого Дома Ибер.

– Просто мать, если можно, Уоти.

– Да, Мать.

– Нахти, глава твоего клана, теперешний верховный жрец храма Тира?

– Ты говоришь истину, Мать.

– Когда здесь последний раз появлялись люди?

– При мне – никогда. Но у меня хватит сил увести их в пустыню за миражом, отвести им

глаза от долины, не выходя из храма, если я почувствую их появление...

– А при старом жреце?

– Триста разливов Геона тому назад. Он их убил, Мать, задушив на расстоянии. Но это

было только один раз. Дорога сюда трудна и опасна. Да и забыли все давно про храм.

– А почему ты его останки не придал огню?

– Он захотел служить вам и после смерти. Поэтому просил не сжигать его тело, а оставить

в храме ...

Яр, до этого продолжавший сидеть и с интересом наблюдавший за происходящим, спрыгнул с алтаря и тоже подо-

шел к жрецу. Тот попытался опять упасть на колени.

Однако спутник Марты, успев схватить его за хвост из волос на голове, заставил стоять

прямо. Приказав жрецу не дергаться, он обошел его кругом, с интересом осматривая, как

покупатель, выбирающий жертвенного гуся:

– Что-то ты какой-то заморенный и худой, Уоти.

– Я много медитирую, божественный. Силы, радо...

Яр, возвышающийся над жрецом на две головы, грозно приподнял одну бровь:

– Отвечай коротко...

– Да, Второй Отец Великого Дома Ибер...

Бровь Яра поднялась еще выше и Уоти торопливо проговорил:

– Я много медитирую, Отец. Стараюсь постичь себя и окружающий мир...

Пробубнив себе под нос что-то вроде – «еще один доходяга-умник вместо воина», Яр

вопросительно взглянул на Марту. Та в ответ пожала плечами, мол, ты целый отец Дома, хоть и второй, вот и принимай мужское решение.

Спутник Марты наставил на жреца указательный палец:

– Вот что ты сейчас сделаешь, Уоти. Возле входа в храм стоят на привязи двадцать ослов.

На них тюки с зерном, маслом, вяленым мясом и вином. Ты, сначала, вытащишь мясо и

плотно поешь, а то на тебя без слез смотреть невозможно.
Поешь плотно, это приказ.

Только потом начнешь разгружать животных. Когда их разгрузишь, отведешь на

кормежку и водопой. Источник, надеюсь, не пересох?

– Нет, второй Отец. И под кипарисовой рощей все так же зеленеет трава.

– Прекрасно, Уоти. Когда разберешься со всеми этими делами, в той роще поставишь нам

с матерью шатер, который ты также найдешь в поклаже.

Потом обязательно помоешься, а

то несет от тебя как от навозной кучи. И будешь мыться каждое утро и каждый вечер.

Запомни, больше повторять не буду. Медитация предполагает чистоту не только духа, но

и тела. Теперь иди и не появляйся в храме, пока тебя не позовут...

Дождавшись ухода жреца, Яр вернулся к алтарю, снял с безымянного пальца левой руки

простенький серебряный перстень, с печаткой в виде львиной головы, и осторожно, печаткой вперед, вставил перстень в небольшое углубление на поверхности алтаря.

Раздался тихий мелодичный звон, тяжелая каменная плита, на которой стоял алтарь,

приподнялась, а потом плавно и неслышно отъехала в сторону. В образовавшемся

квадратном отверстии на полу храма стала видна каменная лестница ведущая куда-то

вниз. Спутник Марты вернул перстень на палец, деловито развязал тук, который принес с

собой и достал из него масляные лампы с огнивом. Несколько раз, чиркнув огнивом, зажег фитили у ламп, а затем две из них протянул Первой Матери:

– Пойдем посмотрим, незабвенная, чем мы сейчас располагаем.

Они спустились вниз по лестнице на глубину в четыре человеческих роста и оказались в

круглой комнате, от которой начинались три туннеля. Посреди этой комнаты стоял такой

же, угольно-черного цвета алтарь, как и в храме. Поставив лампы на пол, Яр опять снял с

пальца перстень и повторил с ним ту же процедуру, что и наверху. Снова раздался тихий

мелодичный звон, но на этот раз алтарь даже не шелохнулся. Но это, по-видимому, даже

обрадовало Второго Отца, так как он удовлетворенно улыбнулся:

– Ловушки, пока перстень вставлен – отключены, можем идти спокойно.

Он, поднял лампы и держа их над головой, не оглядываясь, уверенно двинулся в туннель, который начинался по левую сторону от алтаря. Свернув несколько раз и пройдя око-

ло

ста шагов, мужчина и женщина оказались в небольшом зале с низким потолком. В

дрожащем свете четырех ламп перед их взором масляно заблестело золото. Оно было тут

езде и во всех видах. На каменных широких и низких столах, на каменных плитах пола, грудями лежали слитки, украшения, боевые маски, оружие, посуда. И все это было сделано из благородного метала. Сокровища, собранные здесь, были достойны самого

Императора, но Яр равнодушно по ним ступая, повел Марту дальше, в самый конец зала.

Здесь, на трех столах они нашли то, что было им необходимо. Широкие, золотые кольца, которые можно было надеть на предплечье среднего роста человека, тщательно сложенной пирамидой, достигающей потолка, лежали на одном из каменных столов. На

другом столе, такой же пирамидой, были уложены такие же широкие кольца, но уже из серебра.

А на третьем столе лежали три десятка каких-то объемистых тюков. Яр, с нескрываемым

нетерпением поставил лампы на предназначенные для них полки на стене, быстро

подошел к столу с тюками, разорвал один и вытащил на свет то, что скрывала материя.

Это были полный боевой доспех и два меча в ножнах. В неровном свете ламп блеснул

голубой металл со сложным узором на поверхности, напоминающим то ли тонкие

письмена, то ли каллиграфический рисунок. Из этого металла был сделан и шлем, полностью закрывающий голову, и панцирь из накладных овальных пластин, и даже

наручи с поножами. Когда спутник Марты вытащил из золотых ножен один из мечей – тот

хищно сверкнул таким же голубым металлом. Яр довольно засмеялся, рассматривая

оружие:

– Думаю, этим мы купим сердце Императора. Все, без остатка.

Марта, глядя на его довольное лицо, иронично покачала головой:

– Ты, яростный прям как мальчишка, первый раз притронувшийся к коленкам девицы, которые она специально для этого приоткрыла. Может, все же пора заняться делом?

Яр с сожалением вложил меч в ножны:

– Да, несравненная, ты как всегда права.

Он еще постоял, разглядывая мечи, а потом задумчиво пробормотал:

– Ну, вот скажи мне, почему ты всегда права, а?

Марта в ответ хихикнула:

– Иди уже наверх, мыслитель. Наш жрец, должно быть,

уже разгрузил всех ослов и

освободил мешки. А без них нам тут не обойтись.

Когда спутник женщины вернулся с девятью крепко сшитыми, кожаными мешками, то

застал ее деловито связывающей золотые и серебряные браслеты в небольшие связки.

Марта забрала четыре мешка у Яра:

– Ты занимаешься доспехами и золотом, а я серебром.

Спустя некоторое время все мешки были заполнены и они начали их выносить их наверх.

Вечером того же дня, в маленькой кипарисовой роще на окраине долины, Яр с Мартой

неторопливо ужинали. На ужин они пригласили и жреца.

Расположились они на большом

ковре, расстеленном прямо на траве, под натянутым между деревьями тентом. Легкий, приятный ветерок чуть колебал огонь светильников, а журчащий неподалеку ручей только

оттенял своим говором окружающую тишину. Уоти, знающий по легендам о

предпочтениях Матери и второго Отца своего Дома Ибер, успел добыть для них двух

песчаных газелей, сырое мясо которых сейчас, красиво убранный горькими травами, лежало в двух громадных блюдах на ковре. Животные сами пришли на его зов из

пустыни, и ему осталось только зарезать их и освежевать. Жрец понимал, какую ему оказали честь. Не каждый глава грязного клана, не говоря уже о рядовых членах, мог похвастаться тем, что он в течение жизни видел Первую Мать и Второго Отца Дома.

Поэтому жрец расстарался, как мог. Он достал из специальных запасников все необходимое, хранящееся именно вот для такого случая, когда главы Дома посещают свой персональный храм.

Уоти в очередной раз окинул глазами ковер, на котором возлежала на подушках обнаженная Марта, и сидел, такой обнаженный Яр, тревожным взглядом хозяина

принимающего дорогих гостей, – все ли в порядке? Как бы пытаясь развеять его сомнения, Марта с довольным видом взяла с подноса еще теплое сердце газели, съела его, а потом изящным движением вытерла окровавленные пальцы белой льняной салфеткой и чарующе улыбнулась:

– Я довольна, жрец.

Яр, сидящий рядом с ней скрестив ноги, сделал ленивый глоток вина из золотого кубка, благосклонно кивнул:

– Я тоже доволен. Но буду доволен еще больше, если ты перестанешь тревожно елозить на

своей заднице и начнешь, в конце концов, есть. Мне не нужен помощник, который свалится от голода, когда будет выполнять мое поручение. А поручение будет обязательно.

Терпеливо дождавшись пока Уоти насытится вяленным мясом, Яр указал ему на кувшин вина:

– Можешь налить себе, а потом слушай меня внимательно.

Жрец плеснул из кувшина в свой кубок, пригубил его и поставил на ковер:

– Я весь внимание, Второй Отец. Приказывай.

Спутник Марты долил себе еще вина:

– Два восхода Шу ты будешь готовиться к поездке в Хут-Ка. Что нужно для путешествия через пустыню, надеюсь, мне тебя учить не надо. Можешь взять четырех ослов для

перевозки пищи и воды. Так же возьмешь в храме десять связок золотых колец и десять

связок серебряных, которые я специально положил для тебя на алтарь. На это золото и

серебро ты купишь два больших дома на берегу Геона. Дома обязательно должны

отстоять друг от друга на значительное расстояние. Но я хочу, чтобы один из них стоял

как можно ближе к главному рынку столицы, а другой – недалеко от южной крепостной стены города. Золота и серебра при покупке не жалея. Нанять управляющих и рабов в эти дома тебе поможет глава твоего клана, главный жрец храма Тира – Наhti. Это должны быть люди преданные, молчаливые и сообразительные, но такие, с кем расстаться будет не жалко. Когда закончишь с домами, наймешь в Хут-Ка двадцать наемников, которые чертами лица и сложением должны быть похожи на выходцев с островов на Великой Зелени или с побережья Димашка. Ни в коем случае они не должны быть похожи на жителей Тукана. Скажешь им, что нанимаешь их для каравана, который покинула охрана в пустыне. Заплатишь четверть суммы им вперед, а все остальное они получают, когда доставят караван в Хут-Ка. Во всем этом тебе также поможет Наhti. Для этого ему передашь мое кольцо, которое лежит рядом с золотом и серебром, приготовленным для тебя. Когда будешь передавать Наhti кольцо, произнесешь четыре слова: «Второй Отец услышал тебя». Повтори эти слова. Жрец, сосредоточенно и ясно выговаривая, произнес:

– Второй Отец услышал тебя.

– Хорошо. Мы будем ждать тебя и наемников через тридцать появлений Сотиса на небе

возле входа в долину. При посторонних будешь называть меня хозяином, а Первую Мать -

хозяйкой. И еще, Уоти, не забудь побрить голову и покрасить свои рыжие волосы в

черный цвет во всех остальных местах, где они у тебя растут. Мне не надо, что бы тебя, хоть ты и маг, где-то прирезали только потому, что ты чем-то отличаешься от обычного

человека. А теперь, можешь идти, мы тебя не задерживаем...

Глава 3

Предводитель прайда львов, огромный самец, длиной в четыре имперских локтя, внезапно

тихо предостерегающе рыкнул. Старшая львица стаи, готовая вести его гарем на охоту, обернулась и недоуменно посмотрела, мол, в чем дело повелитель? Ведь это же большая

удача, здесь, на стыке великой пустыни Ха и окончания саванны, идущей от побережья

Великой Зелени, найти такую добычу в целых шестнадцать особей, состоящих из

вкусного мяса и горячей крови. Такая удача может и не повториться в ближайшее время.

Но громадный лев, забравший этот прайд себе, после того как в одиночку убил двух

матерых самцов, прежде возглавляющих стаю, повел себя странно. Он, как

полугодовалый котенок, опустил уши, поджал хвост, снова и еще тише рыкнул. Теперь

это было уже не предостережение, а призыв немедленно бежать без оглядки. Самка, почти

не уступающая своему повелителю в размерах, собралась уже было презрительно

фыркнуть на такое неподобающее поведение, как легкий ветерок, дующий в их сторону, чуть изменил направление своего движения. И до нее тут же донесся приторный запах

давно увядших цветов, идущий с вершины бархана, рядом с которым были стреножены

шестнадцать ослов.

От этого запаха шерсть на загривке львицы сразу же поднялась дыбом, а ее даже не

инстинкты, а сама родовая память завопила, что там, на вершине бархана притаилась

лютая смерть. Что если она, беспощадная ночная охотница, сделает сейчас одно

неосторожное движение, то немедленно превратится в предмет охоты. Нет, не той охоты, которую порой устраивают вонючие, пахнущие потом и гнилыми зубами безволосые хезуры. С теми она не раз играла в смертельные игры, лег-

ко заманивая в свои ловушки, а

потом, победно рыча, рвала на куски, небрежно и легко уклоняясь от их заостренных

палок. А охоты стремительной, жестокой, в которой хищники, неизмеримо страшнее и

древнее чем она, покажут, кто на самом деле занимает вершину в пищевой цепочке.

Львица испуганно, совсем по-кошачьи мяукнула и сделала громадный прыжок в

противоположную от бархана, сторону. За ней, спустя мгновенье, прыгнул глава прайда.

Эти двое, забыв про детенышей, про голод, про других самок, ринулись в ночь, стараясь

уйти как можно дальше от страшного запаха ...

Марта рассеяно покрутила пальцем локон волос на правом виске:

– Что, ушли?

Ее спутник, сидящий с ней рядом, спиной к убегающим царям зверей, усмехнулся:

– Ушли, это знаешь ли несравненная, совершенно другое слово. В данном случае лучше

подходит выражение – «улепетывать». Жаль, конечно. В другое время можно было бы

устроить славную охоту. Уж больно оба хороши, как самец, так и самка. Если их загнать в

безвыходное положение, думаю, драка получилась бы знатная. Так просто свои жизни они не отдали бы...

Марта поправила бретельки сарафана и удобней разместилась на циновке, на которой сидела, скрестив ноги:

– Ну, тогда зажигай костры. Сегодня последний день срока, который мы дали жрецу.

Сотис уже взошел и я чувствую, что Уоти приближается...

Яр безропотно зачиркал огнивом и три ярких огня, мимо которых невозможно было пройти мимо, зажглись на вершине бархана.

Их неспешное ожидание принесло свои плоды. Вдалеке послышался звон колокольчика, который обычно привязывают к шее первого животного в караване и вскоре, из темноты

появился маленький отряд, во главе которого ехал на осле жрец. Едва оказавшись в круге

неровного света костров, жрец быстро спрыгнул с осла, опустился на колени и глядя

прямо перед собой, громко произнес:

– Я выполнил все ваши поручения, хозяева.

Мужчина и женщина неторопливо спустились с бархана. Марта подошла вплотную к

жрецу и положила руку ему на плечо:

– Встань, Уоти и пойдем со мной. Расскажешь мне все,

что ты сделал.

Проводив взглядом жреца и свою спутницу, Яр внимательно и оценивающе оглядел

прибывших вместе со жрецом наемников. Все они были светлокожие, довольно рослые и

широкоплечие. Каждый имел при себе щит, два дротика и боевой серп. Панцири им

заменяли широкие кожаные ремни из кожи крокодила, идущие от плеч и

перекрещивающиеся на животе. Из той же кожи были сделаны шлемы и поножи,

переходящие в сандалии.

Яр сложил руки на груди:

– Кто старший, среди этого сброда?

Вперед вышел самый высокий наемник, со шрамом через все лицо:

– Я старший.

– Как тебя зовут?

– Мдджэй.

– Мдджэй, это значит неустрашимый воин? Хорошее имя тебе дали родители. Сейчас

проверим, были ли они правы. Возьми свой серп и щит, Мдджэй. Я хочу посмотреть, чего

ты стоишь.

Наемник криво усмехнулся, воткнул в песок два дротика, перекинул щит со спины, и

сделал несколько разминочных движений кистью правой руки, в которой держал боевой серп. Его подчиненные разошлись в стороны и образовали круг, обычный для таких поединков. В мерцающем свете костров Яра, в одной набедренной повязке, опустив руки, спокойно и равнодушно ждал, когда его противник будет готов к бою. Сделав еще пару согревающих движений, командир наемников закрылся щитом, и покачиваясь то вправо, то влево, пошел на Яра. Когда до последнего осталось пять шагов, Мдджэй внезапно прыгнул влево и вперед, чтобы в прыжке, серпом, зажатым в правой руке, рубануть по незащищенной шее спутника Марты. Но к его удивлению, Яра на месте не оказалось. Вот, только что он был тут, но в следующее мгновение вроде как растворился среди теней, отбрасываемых наемниками, а потом вдруг, очутился позади Мдджэя. И не просто так очутился. А вполне с определенной целью, которую тут же и продемонстрировал, отвесив хороший пинок пониже спины командиру наемников. От этого пинка Мдджэй носом пропахал песок и распластался на нем как жаба, которую переехала колесница. Со стороны его подчиненных раздались смешки. Наемник в ярости вскочил, развернулся и, не замахиываясь, попытался

рубануть серпом своего нанимателя. Яр перехватил его руку, развернул к себе спиной и опять пнул под зад, от чего тот опять растянулся на песке. Но

спутник Марты теперь не дал ему подняться. Он напрыгнул на командира наемников

сверху, придавив всем своим весом к земле. Упер предплечье правой руки в основание

черепа, а левую, вонзив два пальца в ноздри, потянул вверх, грозя немедленно сломать шею.

Мдджэй под ним еле слышно прохрипел:

– Сда-ю-ю-сь... Не убивай, хозяин...

Яр одним плавным, перетекающим движением ртути оказался стоящим на ногах, а потом

неожиданно напал на наемников, стоящих вокруг. На всех сразу. Или им так показалось, что на всех сразу. Просто они успели заметить, что их наниматель вроде как очутился

одновременно перед каждым из них, потом удар в грудь, дикая боль и темнота...

Спутник Марты оглядел неподвижные тела, отошел в сторону, уселся на песок и стал

терпеливо ждать. Спустя некоторое время наемники начали шевелиться и стонать.

Дождавшись, когда последний из них придет в себя, Яр негромко, но властно

скомандовал:

– Встать, кошачий помет! Собрать оружие! Построиться в один ряд!

Охая и кряхтя, наемники начали подниматься, и тяжело опираясь на древки дротиков, кое-как построились.

Яр поднялся и прошелся вдоль неровного строя, заложив руки за спину:

– Слушайте меня внимательно, шакалье племя. Два раза повторять не буду. Выступаем

завтра вечером. Вы будете охранять караван из двадцати ослов. Охрана до Дороги

Императора – как при передвижении армии. Это значит, что на расстоянии пятидесяти

шагов впереди, сзади и по бокам каравана постоянно идут по пять человек. Со мной будут

мой писец и женщина. Они – неприкосновенны. Увижу косой взгляд в их сторону – свяжу

и закопаю в пустыне в песок по шею, оставив на потеху падальщикам. Окончательно

расплачусь с вами тогда, когда за последним ослом затворятся ворота моего дома в

Хут-Ка. В пути старшим остается ваш командир Мдджэй. Обращаться ко мне только через него.

Его внезапно перебил один из наемников, до этого угрюмо смотрящий в сторону:

– А зачем мы тебе, уважаемый? Судя по тому, как ты нас уделал, это от тебя караваны охранять надо... и хорошо охранять... Ага, больной купец. Сешту за уши лепешки засовывай...

Спутник Марты неторопливо подошел к выскочке:

– Как тебя зовут?

Тот сплюнул и с вызовом посмотрел на Яра:

– Киниф. А что?

Яр пожал плечами:

– Да, ничего. Возьми свой дротик, Киниф.

Наемник ухватился за древко дротика, воткнутого острием вверх в песок, чтобы

вытащить, но Яр внезапно помешал ему. Он сомкнул свои пальцы на кулаке Кинифа, в

котором было зажато древко, и стал медленно подводить наконечник дротика к

подбородку наемника. Тот заверещал, поняв, что сейчас может произойти и попытался

сопротивляться этому неумолимому движению. Но лучше бы он попытался остановить

колесницу Императора, идущую в атаку. Шансов было бы больше. Спутник Марты, глядя

наемнику прямо в глаза, резко двинул кистью руки вверх и наконечник, пронзив

подбородок, язык, верхнее небо, разрезав мозг Кинифа,

уперся в кость черепа изнутри. Яр

брезгливо убрал руку и отступил на шаг. Тело, теперь уже мертвого наемника, два раза

дернулось, еще не понимая, что уже мертво. У него сразу опорожнился кишечник и

мочевой пузырь, подогнулись колени, но труп не смог упасть, так как ему мешал это

сделать дротик, упершийся основанием древка в песок.

Так Киниф и остался, стоящим на

коленях в собственных нечистотах, с торчащим из подбодка дротиком, по которому

стекала масляно блестящая кровь...

Яр обвел равнодушным взглядом наемников:

– Кто-то хочет еще перебить меня?

Те, ошеломленные такой быстрой неотвратимой смертью, всего лишь за несколько не

вовремя сказанных слов, даже не шелохнулись. И вроде как дышать стали через раз...

Спутник Марты чуть усмехнулся:

– Понятливые. Это хорошо. Мдджэй – ко мне, а остальные пошли вон отдыхать...

Караван вышел на следующий вечер, когда заходящее солнце окрасило все окружающее в

нежный розовый цвет, переходящий в густые лиловые тени. И опять под копытами ослов

зашелестел песок, среди которого все чаще и чаще стали

попадаться пучки травы.

Идущий впереди каравана Яр, уверенно ориентируясь по звездам, вел маленький отряд на

северо-восток. В результате такого движения уже на вторые сутки они вышли на

протоптанную тропу, которая вела между кустами и деревьями, одетыми в яркий зеленый

наряд. Еще через сутки, тропа расширилась, превратившись в проселок, и каравану на

пути начали встречаться люди. А на четвертый день путешествия послышался глухой

рокот, похожий на шум водопада. Это был рокот Императорской Дороги!

Здесь, в этих местах, собирались воедино все тропинки и проселки, идущие по побережью

Великой Зелени, из Страны Львов на западе и из глубины страшной пустыни Ха. Отсюда

начинался древнейший караванный путь человечества этого мира. Он, доведя купцов до

города храмов Хут-Ка, пересекал Геон, и дальше, через полуостров Джазират, пройдя по

восточному берегу реки Йарден в столицу Димашка, одних торговцев уводил в

Четырехречье, в Сан-ига – к «черноголовым», а других – в страну Парс к

огнепоклонникам. Тысячелетиями вели купцы по этому

пути своих ослов, обостренным

нюхом чужим ничем не передаваемый запах прибыли. Караваны упрямо шли мимо неведомо

кем построенных, и неведомо кем разрушенных храмов Гебала, в основании которых

лежали грандиозные каменные блоки, вес которых невозможно было представить.

Караваны шли мимо развалин гигантских крепостей, имена строителей которых

затерялись в сумраке времени. Порой шли караваны по плитам на этой дороге, так умело

выделанным и плотно пригнанным, что невозможно было просунуть между ними лезвие

ножа. Везли эти караваны все, что можно было продать или обменять. Зерно, медь, хлопок, льняные ткани из Империи Тукана в Либан, а оттуда, крепкий кедр к истокам

Геона. Там, на южной границе Империи драгоценное дерево выменивалось на сотни

сладких девушек подростков с необыкновенными узкими голубыми глазами, тонкими

чертами лица и гладкой, черной, как ночь кожей из срединных земель Афра. Их

необычайно ценили старые вожди кочевников в стране благовоний Мариб на берегу

Оранжевого моря. За каждую такую голубоглазку дряхлые сластолюбцы, не задумываясь, отсыпали драгоценного

ладана и смирны в четверть ее веса! А если улыбнется удача, и

удастся купить у народа Фенеху – «строителей кораблей», редких по красоте, и тоже

голубоглазых, с изумительными золотыми волосами, гордых дочерей из племени Славов с

далекого севера и поставить рядом на рынке рабов с их черным отражением из Афра, то

благовоний будет в четыре раза больше!!! Только поворачивайся купец! Рискуй и будешь богат!

Поэтому так глухо и нетерпеливо рокотала Имперская Дорога, когда Яр во главе своего

маленького отряда ступил на нее. Он, еще загодя приказал охране идти вплотную по

обеим сторонам каравана, откуда-то зная, что на древнем торговом пути зевать не стоит.

Мигом, твой осел и поклажа на нем, могут превратиться в чужого осла и чужую поклажу.

Но, или так действовал грозный вид охраны, или благоволение богов Тукана витало над

караваном, путь перед маленьким отрядом все время оказывался свободным. А

проходящие или едущие вокруг люди смотрели будто сквозь них, при этом старательно

обходя или объезжая. Когда ладья Шу подплыла к зениту,

Императорская Дорога начала

расширяться и вдалеке стали вырастать ослепительно белые крепостные стены Хут-Ка. Яр

остановил впереди идущего осла и поднял руку:

– Уоти, подойди.

Жрец спешился и торопливо подбежал:

– Я здесь, хозяин.

Спутник Марты наклонился к нему и тихо, чтобы не слышали наемники, прошептал:

– После того, как войдем в город через западные ворота, пойдешь впереди, и незаметно

будешь указывать дорогу к тому дому, который ты купил у южной городской стены. Но

проведи нас так, чтобы мы шли через те кварталы, где меньше любопытных глаз и никому

нет дела до других.

– Я все понял, хозяин...

Яр обернулся к наемникам и громко проговорил:

– Скоро прибудем на место. Слава Шу, все заканчивается благополучно. Как я и обещал, когда за нами закроются ворота моего дома, вы получите окончательный расчет. А сейчас

– Вперед! Вперед!

Видно почувствовав, что путешествие заканчивается, даже осла пошли веселее и вскоре

караван встал в очередь, желающих войти через Западные

ворота в Хут-Ка. Кого здесь

только не было! Здесь толпились, все в пыли странствий, рыжеволосые жители Страны

Львов с их смуглыми женщинами, лица у которых были украшены ритуальными синими

татуировками. У каждой из них, или в носу, или на подбородке было провздето маленькое

серебряное колечко. Но вся эта экзотика меркла пред их глазами – черно-лиловыми, в

которых затаились коварство и измена. Между ними вте-сались, перекрикиваясь

гортанными голосами, одетые в серые, длиннополые бур-нусы жители Мариба, непонятно

каким ветром занесенные на эту сторону Геона. А сзади подпирали густо пахнущие стада

коз и коров, которых вели на продажу и в счет налогов бритые наголо, в одних

набедренных повязках быстрые и злые торговцы из Тука-на. Вся эта смесь людей и

животных, покрытых мелкой белой пылью, под опаляю-щим жаром Шу, толпилась,

кричала, бляяла, мычала, производя оглушительный шум, очень похожий на прибрежный

рокот Великой Зелени, когда начинается буря.

Яр, как опытный капитан, повел караван через это бушу-ющее море из людей и животных.

И когда перед ним, в непонятном страхе отступили последние из самых наглых марибцев, он, остановившись перед начальником охраны ворот, снял с предплечья два медных браслета, протянул их стражнику, и со значением в голосе произнес:

– Слава Мину, покровителю путешественников, доблестный страж.

Начальник караула внимательно посмотрел на браслеты оценивающим взглядом, плутовато ухмыльнулся и тихо ответил:

– Слава Мину, купец. Я вижу, намерения твои честны и ты не везешь в Хут-Ка запрещенное.

Он ловким, воровским движением забрал подношение и повернулся к своим подчиненным:

– Этих, во имя Мина – пропустить первыми! Проезжайте! Быстрее! Быстрее!!

Ослы, в окружении наемников, быстро прошли под аркой ворот и свернули направо, в сторону жилых кварталов столицы. Уоти, ориентировался в узких, пустынных улочках

Хут-Ка как заправский столичный житель. Он уверенно повел караван в южном направлении, по пыльному, залитому жаром Шу лабиринту из глинобитных стен, сворачивая там, где надо. Вскоре,

им по дороге начали встречаться сады. В начале - совсем крошечные, робко выглядывающие запыленной листвой из-за глиняных заборов.

Но с каждым поворотом, сады становились гуще и зеленее, заборы выше, а дома богаче.

Наконец дохнуло прохладой, и путешественники вышли из проулка на широкую улицу, скорее даже проспект, где жили состоятельные люди столицы Империи. Эта улица

проходила насквозь через весь город от его южных стен до северных. Участки земли на

ней, принадлежавшие знати и купцам, обязательно выходили к Геону с одной стороны. А

с другой – были окружены высокими, в два человеческих роста каменными стенами, за

которыми, в тени пышных, вечно зеленых садов и обрамлении цветников, умелыми

зодчими были выстроены красиво расписанные большие дома.

Уоти подвел караван к дому, стоящему в некотором отдалении от других, и три раза

ударил в крепкие, на больших медных петлях деревянные ворота, привязанной к ним

колотушкой:

– Радуйтесь! Хозяин приехал! Открывайте!

За воротами сразу же послышался топот множества ног, шум снимаемых засовов, хорошо

смазанные петли чуть закрипели, ворота полностью распахнулись, и караван начал

втягиваться в широкий двор, уложенный плотно подогнанными плитами из белого

известняка. Когда последнее животное вошло во двор, ворота немедленно закрылись, Яр

слез с осла и по хозяйски огляделся. В пяти шагах от него на коленях стоял невысокий, бритый наголо мужчина в набедренной повязке. Подошедший с боку к спутнице Марты

Уоти, тихо зашептал ему на ухо:

– Это управляющий твоим домом, хозяин. Зовут его Шенти. Он обо всем предупрежден. В

доме шестнадцать рабов. Восемь из них – мужчины, а восемь – женщины. Все они с

вырезанными языками.

Яр чуть прикрыл глаза, что понял, а затем поманил пальцем управляющего:

– Встань и подойди ко мне, Шенти.

Мужчина вскочил с колен, сделал три шага вперед и склонился в низком поклоне:

– С благополучным прибытием, хозяин. Богатства, радости и здоровья тебе. Жду твоих указаний.

Спутник Марты благосклонно кивнул:

– Спасибо, Шенти. Прикажи распрячь ослов и позаботься о грузе. Пусть начинают

готовить для меня и моих спутников ужин, и распорядись по поводу бани.

– Все сделаю непременно, хозяин.

– Иди...

Яр, больше не обращая внимания на управляющего, снял с одного из ослов небольшой

кожаный мешок, а потом призывно махнул рукой командиру наемников:

– Мдджэй, собирай свою банду головорезов, и идите все за мной.

Он подхватил мешок, прошел к краю двора и уселся там скрестив ноги, прямо на плиты в

тени жасминового куста. Наемники, радостно переглядываясь, последовали за ним, и расселись полукругом напротив.

Спутник Марты оглядел их, ухмыльнулся понимающей улыбкой, достал из мешка семь

серебряных браслетов и передал их командиру наемников:

– Здесь оставшаяся плата в пять серебряных дехенов. Два дехена – это премия.

Воины взволновано и весело загалдели. Яр раздраженно приподнял ладонь:

– Тихо, шакалье племя! Я сказал – тихо!

Наемники помня, как скор он бывает на расправу, тут же умолкли. Спутник Марты, дождавшись полной тишины,

продолжил:

– У меня есть к вам предложение. Вы поступаете ко мне на службу. Одежда, кров и еда – за мой счет. Кормить, и одевать буду вас как воинов Императора. Каждую седмицу, тоже за мой счет, будете получать вино и женщину на ночь. Мд-джэй, ты как командир отряда будешь получать полтора серебряных дехена каждое новое полнолуние. А все остальные – по три четверти серебряного... За успешное выполнение моих поручений я буду платить премию. Что на это скажите? Только решайте здесь и сейчас. Я жду ответа.

Это было хорошее предложение для наемников. Очень хорошее. При удачном стечении обстоятельств, каждый из них мог рассчитывать, что за два-три разлива Геона он мог стать владельцем небольшого дома с земляным наделом, парой рабов и трех быков. И прощай тогда жизнь полная опасностей и неопределенности.

Но всю эту идиллию сладких расчетов, чуть было мгновенно не разрушил один из их товарищей, который внезапно, с хитрецей в голосе, проговорил:

– Можно спросить, хозяин?

Спутник Марты озадаченно на него посмотрел:

– Ну, спрашивай...

– Может быть лучше один дехен каждому рядовому, хозяин? Так, для круглого счета... А

то три четверти это не туда и не сюда...

Яр в ответ равнодушно пожал плечами:

– И, правда – не туда и не сюда. Поэтому предлагаю уже половину дехена каждому, а тебе

Мдджэй – один дехен... Мне так будет легче считать. Дехены, они, видите ли, счет любят...

Два удара локтем, один по лицу, а другой в грудь, почти одновременно нанесенных рядом

сидящими товарищами, свалили не в меру жадного и горливого воина на землю, а

Мдджэй торопливо и с подобострастностью в голосе проговорил:

– Мы принимаем твое предложение, хозяин. Первое твое предложение...

Спутник Марты, якобы в задумчивости, поднял глаза вверх и долго рассматривал цветы

на жасминовом кусте, под которым сидел. Потом вздохнул, вроде как, делая над собой

усилие, и милостиво кивнул:

– Ну, ладно. Так и быть. Оставляю мое первое предложение в силе...

Наемники радостно и облегченно зашумели, а их командир протянул Яру свою ладонь:

– По рукам, хозяин?

Яр, железными пальцами, пожал его руку.

– По рукам, Мдджэй. Теперь слушай мой первый приказ.

Ты сейчас найдешь

управляющего и передашь ему мое распоряжение, чтобы он вас накормил и разместил. По

имению не шляться и рабынь по кустам не таскать. Пить в меру. Вести себя тихо и

достойно. За послушание моего приказа что будет, Мдджэй?

Воин повел плечами, как будто внезапно озяб:

– Смерть, хозяин. Мы все это усвоили еще с первого раза в пустыне...

– Прекрасно. Теперь убирайтесь...

Когда наемники оживленной гурьбой ушли искать управляющего именем, Марта, стоявшая поодаль и с иронией наблюдавшая за происходящим, подошла к Яру и уселась рядом с ним:

– Я вижу, яростный, к тебе начали возвращаться все твои достоинства. Видеть, как ты

торгуешься, а не убиваешь на месте за глупость, доставило мне истинное наслаждение.

Яр задумчиво поскреб подбородок, а потом криво улыбнулся одной стороной рта:

– Если говорить честно, то еще бы одно слово этого недоумка, и я их разорвал бы прямо

тут на месте. Но до чего же они жадные и тупые эти хезуры...

– Я тебя прекрасно понимаю, Второй Отец...

Ее спутник придвинулся к ней ближе и тихо проговорил:

– Сегодня Тхор в полной силе и меня будет ждать главный жрец храма Тира, чтобы

рассказать о происходящем с Императором в деталях. А ты, уж проследи здесь за всем.

Только, дорогая, очень прошу – без всех этих своих шуток ...

Марта улыбнулась, похлопала ресницами и кокетливо повела плечами:

– Ты боишься за мою невинность, Яр?

Он в ответ тяжело и безнадежно вздохнул:

– Я боюсь за невинность и целомудрие всех присутствующих в этом имении, драгоценная.

Начиная с ослов, собак и этих недалеких наемников, заканчивая рабынями, рабами и явно

прожженным негодяем управляющим. Я даже боюсь за невинность этого куста, под

которым мы сидим.

Его спутница довольно рассмеялась:

– Ладно, так и быть. Буду добродетельной, строгой и заботливой хозяйкой. Обещаю, когда

ты вернешься, то не застанешь на этом месте развалин пожара в полквартала и изнасилованных людей с животными. Все будут спать как младенцы...

Яр ничего не ответил, только еще раз тяжело вздохнул...

Когда ладья Шу плавно ушла за горизонт на западе и на Хут-Ка, наконец, снизошла

желанная прохлада, узкая калитка в стене рядом с воротами дома, в котором поселились

новые жильцы, чуть приоткрылась, и через нее проскользнул Яр, одетый в серый бурнус.

Он несколько ударов своего сердца стоял, осматриваясь, а потом перешел через дорогу и

растворился в переулках столицы. Было полнолуние, и Тхор щедро заливала город своим

серебристо-голубоватым светом. В этом свете, в серых одеждах, Яр как тень скользил по

пыльным улицам мимо глиняных заборов, за которыми, с заходом солнца на покой и

начиналась жизнь. Утомленные дневной жарой и тяжелой работой, жители города

поднимались на плоские крыши своих домов и там, в прохладе, ужинали в кругу семьи

или друзей. С крыш раздавались разговоры, веселый смех, соседи перекрикивались друг с

другом и желали благополучного завтрашнего дня. Све-

тильники и факелы на крышах еще

больше сгущали тени от луны внизу, в переулках, по которым осторожно двигался Яр. Он

быстро добрался до западной городской стены и несколько мгновений постоял перед ней

в задумчивости. А затем ногти на его руках и ногах внезапно начали удлиняться и

загибаться, превращаясь в несокрушимые когти древнего хищника. Яр небрежно мазнул

когтями правой руки по одному из камней, из которых была сложена несокрушимая

городская стена Хут-Ка и на нем немедленно появились глубокие борозды. Спутник

Марты удовлетворенно, тихо рассмеялся, подпрыгнул и стал легко взбираться по

отвесной стене, цепляясь когтями за глыбы. В неверном свете Тхор, он был похож на

огромного, серого нетопыря, неумолимо ползущего к своей жертве. Так, похоже, никем не

замеченный, Второй Отец быстро добрался вершины стены, не останавливаясь, в одно

движение пересек ее и решительно прыгнул вниз, расправив руки. Его бурнус раскрылся, но оказался не одеждой жителя далекого Мариба, а большими, перепончатыми крыльями, на которых, существо по имени Яр, умело пользуясь восходящими и нисходящими

потоками, целеустремленно заскользило по воздуху в сторону пустыни. Пролетев две тысячи имперских локтей, он стремительно, как коршун, спикировал вниз и оказался

стоящим перед громадным каменным изваянием крылатого льва с лицом человека, которое уже было здесь, когда первые жители Тукана, многие тысячи разливов Геона

тому назад пришли в эти места. Эта циклопическая статуя сразу же навела на них такой

страх и почтение, что они дали ей целых два имени – «Отец ужаса» и

«Ночной душитель» ...

Яр подошел к изваянию, встал перед ним на колени, опустил голову и с какой-то тоской в

голосе тихо произнес:

– Здравствуй, отец. Я опять пришел к тебе...

Но «Отец ужаса» загадочно молчал в ответ. Так они и остались в одиночестве, существо

по имени Яр стоящее на коленях, с опущенной головой и громадное изваяние, крылатого

полульва, получеловека, мечтательно смотрящее на звезды...

Когда полная Тхор неумолимо переместилась в созвездие Черепах, за спиной Второго

Отца Великого Дома Ибер послышался шорох песка под ногами одиноко бредущего

человека. Шорох приблизился, и кто-то мужским голосом произнес:

– Я не думаю, что это место удобно для молитвы ночью, странник...

Яр не оборачиваясь, отчетливо произнес в ответ:

– Зато это место хорошо для откровенных бесед с главой моего грязного клана Смотрящих

и Изменяющих и Верховным жрецом храма Тира...

Он поднялся, неторопливо развернулся в сторону путника, осмелившегося ночью выйти в

пустыню, и стал перед ним во всем своем первоизданном виде, который открывал только по необходимости...

Глава 4

Перед путником, во всем его пугающем, истинном облике стоял Второй Отец Великого

Дома Ибер. Он был три головы выше самого высокого мужчины Терры и с идеальным

телом атлета. Громадные крылья, сотканые из серебристого света за его спиной, казалось

одновременно были и в этом мире, и в каком-то другом. Белые, волнистые волосы

водопадом падали с головы, доходя до пояса. Из-под большого лба мыслителя и

философа, светясь холодной древней мудростью, смотрели миндалевидные, с разрезом до

висков золотистые глаза, с вертикальными, черными зрачками. Взгляд этих глаз

мгновенно проник в самую суть личности и крови путника пришедшего к «Отцу Ужаса»,

отметая все второстепенное и не главное. Проник, сделал выводы и исчез, оставив после

себя ментальный запах увядших цветов, легкого разочарования и иронии.

Пришедший мужчина торопливо воткнул в песок посох с навершием в виде головы совы, на который опирался, сложил руки перед грудью, встал на одно колено и склонился бритой головой в низком поклоне:

– Силы, крови тебе, Второй Отец Великого Дома Ибер. Приказывай.

Яр плавно перетек в свою человеческую ипостась и стал выглядеть как обычный, высокий

и сильный мужчина. Он коротко и деловито приказал жрецу:

– Иди за мной, Наhti.

Спутник Марты сделал несколько шагов к статуе «Отца Ужаса» и без страха сел у ее

основания, опершись о камень спиной. Следовавшему за ним Наhti он показал на место

возле себя:

– Садись и начинай мне подробно рассказывать о нынешнем Императоре. Не упуская не одной, пусть и кажущейся тебе незначительной детали.

Жрец поспешно уселся рядом и немедленно стал говорить. Уже на востоке начало розоветь небо, когда он закончил свое повествование. Терпеливо дождавшись его последнего слова, Яр заложил руки за голову и несколько мгновений сидел в задумчивости с закрытыми глазами, а потом пробормотал:

– Значит, устроил он все в катакомбах...

– Да, великий. Нашел он их десять разливов Геона тому назад и объявил государственной тюрьмой для особо опасных врагов Империи. Я вначале не придавал этому значения, но потом сопоставил некоторые факты и решил все же проверить, чем он там занимается.

Охрана катакомб настолько продумана, что мне только с помощью магии удалось проникнуть внутрь. Увиденное потрясло меня, но я, следуя приказу, который получил еще мой предшественник, ничего не предпринимал до тех пор, пока не началось практическое воплощение. И только после этого послал сигнал опасности тебе и Первой Матери...

Яр еще некоторое время сидел смежив веки, затем, видимо придя к определенному

решению, глубоко вздохнул, открыл глаза, и положил тяжелую ладонь на плечо жреца:

– Ты правильно сделал, Нахти, что вызвал меня и Первую Мать. Из-за того что Санахт

единовластный владыка в этой части бурно рожаящей хезуров Терры, направление его

мыслей, а главное действий, угрожает власти не только Дома Ибер, но и всем остальным

Домам. Поэтому мы будем действовать по следующему плану. Ты представишь меня

Императору как купца и в тоже время как посланника храма Тира с далекой фенешийской

провинции за Великой Зеленью. Но для этого, мне для начала надо будет отплыть из Хут-

Ка. Сделаю я это как купец, решивший торговать зерном Тукана, скажем в Димашке. А

посему с сегодняшнего дня будешь помогать Уоти, с которым ты уже знаком, тайно

снарядить торговый корабль. Где-то через полнолуние после отплытия на нем, я вернусь в

новом обличие в столицу, и открыто приду в твой храм с неким посланием и

подношениями. Там и состоится наше, якобы, знакомство, после которого ты

отрекомендуешь меня Санахту....

Главный жрец в задумчивости поводил концом посоха по песку:

– Мне позволительно будет задать свой вопрос, Второй Отец?

– Говори...

– Может быть, решить проблему с Санахтом ты поручишь мне? Убить Императора, несмотря на всю его многочисленную охрану, тайной службе храма Тира не составит

никакого труда. На трон я посажу другую династию, и через шесть полных лун никто и не

вспомнит о том, что делал, а тем более, с кем делился своими мыслями нынешний

владыка Тукана. А кто вспомнит, для тех всегда найдется голодный крокодил в Геоне.

Яр недоуменно, как учитель, услышавший от успешного ученика очень глупый вопрос, посмотрел на жреца:

– Сколько разливов Геона ты возглавляешь храм Тира, Нахти?

– В общей сложности это продолжается триста разливов, величайший. Уже в шестой раз я

занимаю должность Верховного жреца. Но мне периодически приходится уходить в тень, инсценируя свою смерть, чтобы не вызывать подозрений в своем долгожительстве.

Однако я все равно остаюсь при храме, в разных личинах, вплоть до храмового раба или

простого писаря, чтобы тайно управлять им.

Спутник Марты удрученно покачал головой:

– Ты главный жрец человеческого бога мудрости, в котором есть капля крови Дома Ибер, а мыслишь одним днем как простой пахарь. Поистине, мать природа сыграла с вами злую

шутку. Вы хезуры, можете быть как гениальны, так и непроходимо глупы. Но как же все

непостижимым образом сочетается в одной расе, а!? Запомни жрец, на оставшееся тебе

время жизни простую истину – смерть разумного существа не означает смерти идей, озарений, которые это существо породило. Однако если сам носитель крамольных мыслей

добровольно наденет на себя рабский ошейник ограничения, когда сам станет ярим

противником своих прежних откровений, когда сам предложит уже неопасную для нас

новую альтернативу своим прежним озарениям, то тогда можно считать, что мы добились

своей цели. Это я и хочу сделать с Императором... Теперь понятно?

Яр искоса посмотрел на рядом сидящего жреца. Тот в глубокой задумчивости,

переваривая услышанное, ничего не ответил, только выводил посохом на песке

замысловатые фигуры. Потом, внезапно поняв, что его ответа ждет сам Второй Отец

Дома, а он действительно, как простой пахарь, не понимая с кем ведет беседу, абсолютно

непочтителен, ойкнул и упал на колени:

– Прости, величайший. Крови, силы тебе. Но твоя мысль была так глубока...

Яр внимательно его оглядел и вздохнул:

– Ладно, поднимайся. Это моя вина. Я все время забываю, что жизнь твоя коротка и ты из

грязного клана. Хоть его и глава. Ты приучен мыслить только категориями действий, а не

идей, которые правят тысячи разливов Геона. Хорошо, буду тогда говорить понятным

тебе языком. Скажи мне жрец, что произойдет, если бог Шу, бог солнца и света, внезапно, по какой-то причине решит, что свет и солнце не нужны?

Верховный жрец в ошеломлении и страхе непроизвольно прикрыл рот ладонью и

прошептал:

– Это было бы ужасно, Второй Отец...

– И почему же?

– Потому что тогда, он стал бы страшнее своего вечного соперника Сешта – бога смерти и

тьмы. Этот новый Шу все знал бы о свете и солнце, и смог бы навечно от них избавиться, чего никогда не сможет Сешт.

– Ну, последнее усилие, жрец...

Нахти несколько мгновений проникновенно смотрел в себя, а потом радостно рассмеялся:

– Я окончательно понял твой замысел с Императором, великий!

Яр довольно похлопал в ладоши:

– Наконец-то...

А потом, внезапно, абсолютно по-свойски, склонился к жрецу, ухмыльнулся гнусной

улыбкой бандита из самого низкопробного припортового кабака и прошептал:

– Да, конечно, можно было бы устроить здесь, в Тукане маленький конец света. С резней

всех и вся, начиная с Императора и заканчивая последним рабом на выгребных ямах. С

пожарами и погромами от истока Геона до его устья. Чтобы кости людей и животных

вдоль всех дорог и только сытые падальщики в небе. Но это бы было очень нудно и

скучно, Нахти. Ты себе просто не представляешь – насколько скучно. А нам с Первой

Матерью совершенно не чуждо такое понятие как – «развлечение»...

Вечером того же дня старший ученик выложил перед своим учителем и наставником два

медных браслета:

– Их вчера, как взятку за проезд, дал некий высокий мужчина. Он возглавлял караван, пришедший с запада по Императорской Дороге. Вместе с ним ехали писец и женщина.

Караван охраняли девятнадцать наемников. При появлении этого мужчины деревянный

браслет, который вы передали, учитель, не просто нагрелся, а обжег руку младшему

ученику, играющему роль начальника караула западных ворот.

Ако, не притрагиваясь к браслетам, приказал:

– Зажги в комнате все светильники, Кеб. И дай мне стекло, которое увеличивает предметы.

Оно лежит в сундуке слева от тебя.

Старший ученик поднялся с циновки, на которой сидел, быстро зажег светильники и

передал жрецу стекло. Ако взял один из медных браслетов и начал его внимательно

рассматривать. Изучив первый браслет, он так же долго и внимательно рассматривал

второй. Наконец он вернул оба браслета на столик и аккуратно положил рядом с ними

стекло:

– Это очень старые вещи, Кеб. Их возраст не менее тысячи разливов Геона. Такие

браслеты были в ходу, когда Тукан еще не был единым

государством. Они должны были

стать непригодными для ношения за это время. Значит, эти браслеты лежали там, где не

было движения воздуха, сам он был сух, и при этом отсутствовала влага. Получается, что

этот высокий мужчина совершенно недавно их достал из какого-то тайника и почистил.

Рассказывай дальше.

Старший ученик достал из-за пояса четки и сосредоточенно перебрал несколько бусин:

– Второй наш человек у ворот отследил движение каравана в городе, наставник. После

того, как караван вошел в город, он свернул на юг, двинулся в направлении богатого

квартала на берегу Геона и там вошел в одно из имений, которое, оказывается, недавно

было куплено...

Жрец быстро перебил старшего ученика:

– Кем куплено?

– Это я сейчас выясняю, учитель...

– Выясняй быстрее. А тот, второй наш человек, я надеюсь, не использовал при слежке магию?

– Нет, не использовал, учитель. Он полностью закрылся, как и ученик, выполнявший роль стража, и действовал как обычный человек. Проследив за

караваном, он поставил в

известность меня, и я немедленно прибыл в тот квартал лично.

– Говори дальше, Кеб...

Старший ученик перебрал еще несколько бусин на своих четках:

– Я, под видом нищего, разместился недалеко от того дома, в который прибыл караван.

Свою магию я также полностью закрыл, но оставил возможность воспринимать чужую.

– И что это дало?

– Многое, учитель. В том доме оказался маг с таким же зверочеловеческим рисунком

магии, как и у мага их храма Тира. Мне это удалось узнать, потому что он, видимо, по

неосторожности, два раза открылся. И это еще не все...

– Даже так?

– В доме были две персоны, которых я не смогу назвать людьми.

– Поясни свою мысль.

– Если мной, как магом, личность обычного человека воспринимается в зеленом свете, то

личность человеческого мага и его магия, когда они себя открывают, видятся внутренним

зрением фиолетовыми. Маг из храма Тира, когда он творил волшебство на крови, и

прибывший маг воспринимаются бордово-красными... Эти же двое... Они как некая серая субстанция, внутри которой заключен очень мощный и ослепительно белый огонь... Кто они, учитель?

Главный жрец храма Сешта пожевал в раздумье старческими губами:

– Вначале закончи докладывать, Кеб, а потом я тебе расскажу все, что знаю. Что ты еще узнал?

Старший ученик задумчиво посмотрел на четки, а потом решительно засунул их за пояс:

– Вчера вечером тот мужчина, который возглавлял прибывший караван, покинул свое имение. Он вышел за ворота... и все...

– Что значит «и все», Кеб?

– Он мгновенно исчез из моего поля зрения. Вот он стоит, и через мгновенье его нет.

Просто растворился. Его не стало видно ни обычным зрением, ни магическим. Я даже не

понял, как он это сделал. Но есть, как мне кажется, одна важная деталь. По сообщению

наблюдателя за храмом Тира, почти в тоже время жрец Нахти тайно покинул храм и в

одиночку вышел из города через западные ворота. Однако наш человек посчитал

правильным не следить за ним в пустыне. Сегодня утром оба они, и главный жрец храма

Ти́ра, и этот высокий, опять объявились в столице.

Ако, сложил ладони под подбородком и закрыл глаза, задумавшись. Через некоторое

время, не открывая глаз, он попросил:

– Кеб, мальчик мой, налей-ка мне вина. Того, что недавно нам прислали с островов на

Великой Зелени. Кувшин с ним в арке над сундуком, из которого ты достал стекло, увеличивающее предметы. А потом принеси две писчие кисти и к ним – синие и красные чернила.

Старший ученик поставил перед главным жрецом храма Сешта простой серебряный

кубок, наполнил его доверху вином, а потом принес кисти с чернилами. Ако открыл глаза

и с наслаждением сделал несколько глотков. Затем обмакнул кисти в чернила и положил

на столик перед собой, соединив их концы под прямым углом:

– Смотри и слушай внимательно. Маг, волшебю которого на крови ты наблюдал возле

храма Ти́ра, – это Нахти, главный жрец храма. Второй маг, проявивший себя в имении, в

которое прибыл высокий мужчина, – это писец. Деревянный браслет так нагрелся при

прибытии каравана, потому что тех, кого мы разыскивали, – двое. Это опять-таки высокий

предводитель каравана и женщина с ним. Это их вызывал главный жрец храма Тира, используя свою кровь для вызова. А его волшба показалась тебе противоестественной, потому что Нахти, как и писец, сопровождающий караван, – не совсем люди.

– А?..

Жрец поморщился:

– Погоди, не перебивай. Выслушай до конца. Кисти, которые лежат на моем столике, изображают нашу магию, человеческую, и магию Нахти с писцом. Кисть в красных чернилах – их магия. В синих – наша. Как видишь – они лежат в разных плоскостях.

Поэтому ты не можешь понять свойств их магии. Она просто другая...

Ако взял кисти со стола, кряхтя, поднялся, подошел к стеллажу в комнате. Стеллаж занимал всю стену, а на его полках, с пола до потолка, плотными рядами лежали свитки.

Главный жрец храма Сета небрежно засунул кисти для письма в один из них:

– Все эти свитки, вместе с текстами – это образ, пример, подобный тем двоим – мужчине и женщине. Их способностям. Знаниям. Возможностям. Заметил, как легко затерялась в них

наша магия и магия Нахти в виде двух маленьких писчих кистей? Поэтому ты не смог

понять и увидеть сущность предводителя каравана с его спутницей, и они тебе увиделись

как некая серая субстанция, внутри которой заключен очень мощный и ослепительно белый огонь.

Когда ты совершаешь магический ритуал, ты тратишь на это свои силы. Много сил. Для

них же пользоваться магией – естественно, как дышать.

Старший ученик в растерянности покачал головой:

– Так кто же они тогда, учитель? Боги?

Жрец, тяжело опираясь на посох, вернулся на свое место, кряхтя сел и понизил голос до

шепота:

– Нет, они не боги, Кеб. Они... они Хозяева. Боюсь, как ни кощунственно это звучит в

устах главного жреца бога Сешта, даже богов они придумали для нас, людей, исходя из

каких-то своих целей...

Они появляются всегда там и тогда, когда мы, люди, подходим к какому-то этапу своего

развития. Я рассказываю тебе это потому, что приходит твое время, а мое заканчивается, как это ни печально. Считаю, что ты достоин того, чтобы стать Главным жрецом храма

Сешта и Верховным магом страны. Поэтому слушай и за-
поминай. То, что я тебе сейчас
расскажу, мне тоже когда-то рассказал мой учитель, от ко-
торого я принял должность
главного мага Тукана.

Ако в задумчивости несколько раз передвинул кубок с ви-
ном с места на место, собираясь
с мыслями, а потом поднял тяжелый взгляд на старшего
ученика:

– Кроме нас, людей, Кеб, на всех известных и неизвестных
человечеству землях живет еще
одна раса разумных существ. Они называют себя Высоко-
родными или «чистыми».

Внешне – они похожи на нас. Когда захотят. История их
существования насчитывает
миллионы разливов Геона. Скорее всего, когда они появи-
лись и Геона-то еще не было.

Живут «чистые» неизмеримо продолжительнее, чем мы,
обычные люди. Они думают по-
другому. У них совершенно непонятная для нас логика
поступков. И главное – у них
совершенно другая мораль. Если предположить, что на-
ми, людьми, движут три базовых
чувства – голод, страх смерти и желание продолжать свой
род, – то у них на первом месте
стоит потребность доминировать над остальными суще-

ствами. По своей природе они –

хищники. Живут они так называемыми «Домами», во главе которых стоят обычно

мужчина и женщина, называющие себя Первая Мать и Второй Отец. Каждый такой Дом

объединяет несколько кланов подобных существ. На примере кистей, спрятанных в

свитках, я тебе показал, насколько способности, знания, возможности членов таких

кланов, не говоря уже о Первой Матери и Втором Отце, превосходят наши...

Главный жрец храма Сета поднял чашу с вином, задумчиво в нее посмотрел, потом

вздыхнул и отставил чашу в сторону:

– Слушай дальше... Около десяти тысяч разливов Геона тому назад, между «Домами» на

Терре, как они называют наш мир, вспыхнула война. Это произошло на земле за Большой

Водой, лежащей к западу от Афра, которую называют Землей Пернатого Змея, или на

местном наречии – землей Кукулькан. По неизвестной причине Дом под названием Пикчу

восстал против других Домов. Война была жестокой и Дом Пикчу начал ее проигрывать.

Когда поражение стало неминуемым, Первая Мать и Второй Отец этого Дома применили

оружие под названием «оружие последнего дня». Одним из многих последствий

применения этого оружия стало изменение жизненного кода женщин и мужчин всех

Домов, после чего те потеряли способность рожать и зачинать детей своей расы. Даже

более того. Оказывается, что, кроме нашего мира, существует еще множество миров, как

две капли воды похожих на Терру, но разумных существ в них совершенно нет. В них, в

тех мирах, так же течет Геон, так же красиво-ужасна великая пустыня Ха, так же

величественна Великая Зелень. Так вот, эта раса Высокородных могла перемещаться

между этими мирами тем, что они называют Тропами, и жить в этих мирах по принципу: Пять Домов – один мир. Это давало им возможность, как хищникам, не конфликтовать и

вроде как делить охотничьи территории с одной стороны, а с другой продолжать

размножаться. Применение же Домом Пикчу «оружия последнего дня» не только

разрушило детородные функции их расы, но и изменило жизненный код всех

Высокородных, участвовавших в войне с Домом Пикчу. Причем изменило так, что они

потеряли способность перемещаться Тропами между эти-

ми мирами, оставив возможность

передвигаться только внутренними Тропами Терры и еще одним миром – очень похожим

на наш. По сути, все воевавшие тогда Дома, оказались заперты в лабиринте, из которого

нет выхода. И у них сейчас единственная цель – преодолеть последствия применения того

оружия.

Первый ученик напряженно поддался вперед:

– А откуда у вас эти знания о Высокородных, учитель?

Ако досадливо поморщился:

– Имей терпение выслушивать собеседника до конца, Кеб.

Учу я тебя, учу...

Так вот – около двух тысяч разливов Геона тому назад жрецы храма Пернатого Змея земли

Кукулькан совершенно случайно нашли библиотеку Дома Пикчу и свитки дневника, который вела Первая Мать этого Дома до самой своей смерти. Большинство знаний из той

библиотеки так и не удалось расшифровать, хотя бы потому, что в библиотечных записях

используются понятия совершенно чуждые для нас. Мы просто не понимаем, о чем идет

речь. Но то, что жрецам Кукулькана удалось понять, оказалось не просто откровением, а

целым прорывом. Оказалось, что, пусть хоть и очень малая, но часть людей имеет то, что

мы называем магическими способностями. И при должном усердии и длительных тренировках эти способности можно развить и преумножить, став такими же магами, как становятся магами по рождению дети от связей между Высокородными и людьми. О такой способности людей, видимо, преследуя свои цели, главы Дома Пикчу не оповестили другие Дома. И наличие магов среди людей может явиться очень неприятным открытием для Высокородных. Если же к этому присовокупить ту часть знаний, что удалось расшифровать в библиотеке Дома Пикчу, то у нас, людей, появился осязаемый шанс сразу и далеко шагнуть вперед в наших познаниях об окружающем мире и самих себе.

Жрецы храма Пернатого Змея поступили мудро и жертвенно. Они разделили библиотеку Дома Пикчу на несколько равных долей и отправились с ними в разные части Терры, для того чтобы под видом жрецов того или иного местного Бога создавать магические школы из людей, способных к магии, и исподволь, незаметно, начать передавать людям знания из библиотеки. Здесь, в Тукане, такими жрецами являемся мы, жрецы Бога смерти и

разрушения Сешта. Согласись, что это довольно мудрое решение. Ну, кто будет искать

распространителей знаний среди последователей бога смерти? При Императоре Санахте

нами были созданы все условия, чтобы, пользуясь не только его безграничной властью, но

и вечной тягой к новому, внедрить часть, пусть и небольших, но нужных людям знаний.

И сразу же появились эти двое – мужчина и женщина. Боюсь, что нас посетили сами

Первая Мать и Второй Отец какого-то из оставшихся на Terre четырех Домов,

считающие, что мы, люди, можем начать слишком быстро развиваться, что мы можем

стать их прямыми конкурентами, пока они заперты здесь, в этом мире. А это прямая

угроза существованию их вида. Расы. Ведь, как известно, выживает всегда только

сильнейший и самый умный.

Первый ученик внезапно попросил:

– Учитель, а можно и мне немного вина?

Главный жрец храма Сешта вздохнул и с досадой шлепнул себя ладонью по

морщинистому лбу:

– Прости, мой мальчик, старого недотепу, забывшего законы гостеприимства. Я все еще

воспринимаю тебя как нескладного подростка, первый раз пришедшего на первый урок. А

ведь ты теперь взрослый, состоявшийся мужчина, маг, мало в чем мне уступающий.

Конечно, прошу тебя, бери еще один кубок и наливай себе...

Кеб поставил рядом с кубком Ако еще один и плеснул в него из кувшина. Покачав вино в

бокале, он сделал несколько глотков, вернул кубок на место, а потом недоуменно пожал

плечами:

– Я все равно не понимаю...

Ако поднял на него вопросительный взгляд:

– Чего ты не понимаешь, Кеб?

– Я не понимаю, почему бы этим Высокородным, с их возможностями, просто не взять и

не захватить везде власть. Грубо и незатейливо. Тогда бы мы без их приказа и чихнуть не

посмели. А тут вдруг какие-то интриги, тайное появление... Как-то все это не

состыкуется, учитель.

Главный жрец храма Сешта в задумчивости поводит пальцем по краю своего кубка:

– Ты задал хороший вопрос, старший ученик. Можно сказать, один из главных вопросов, над которым я размышляю до сих пор и не нахожу на него однозначного ответа... Хотя

некоторые мысли, конечно, есть...

– Можно ими поделиться, наставник?

Ако устало улыбнулся:

– Конечно, Кеб. Я же учитель и наставник. Так вот, мне думается, что, во-первых, после

войны с Домом Пикчу в остальных Домах осталось слишком мало особей, чтобы держать

под постоянным контролем всех людей Терры. Наблюдать через своих магов – да. А вот

постоянно контролировать и управлять... Во-вторых, количество особей в кланах

неумолимо уменьшается, ведь их женщины потеряли способность рожать от мужчин

своей расы. Они же, хоть и живут неизмеримо дольше нас, тем не менее не бессмертны. А

в третьих... Высокородные, скорее всего не считают нас полностью разумными, ведь

когда они появились на Терре, наши предки даже не знали, как развести огонь, и спали в

гнездах на деревьях. Вот скажи мне, Кеб, тебе было бы интересно стать Императором стаи

обезьян? Да, да, не надо смотреть на меня так недоуменно. Именно стаи обезьян, а не

людей?

– Учитель, ты хочешь сказать...

Складки вокруг рта главного жреца храма Сешта стали

жесткими:

– Именно это я и хочу сказать! Мы для них обычная стая обезьян, которая может им в чем-то помешать. Но не больше. Когда она, эта стая, начинает мешать – ее надо остановить.

Отогнать палкой. А вот каждый день управлять этой своей вечно галдящих, ищущих у

себя блох, постоянно прыгающих с ветки на ветку животных, это ведь не только

бесцельно, это же еще и безнадежно скучно, Кеб... – он почему-то брезгливо поморщился

– ты только представь, насколько скучно...

Старший ученик в задумчивости уставился в пол и про-бормотал:

– А ведь и действительно...

Ако выпрямился на циновке, затем встал и взял в правую руку посох с головой осла.

Перед Кебом сейчас стоял не учитель и наставник, а главный маг Империи Тукан и

Верховный жрец храма Сешта:

– Время разговоров закончилось, старший ученик. Ты узнал все, что положено тебе было

узнать. Пока продолжай наблюдать и следить за этими двоими. Но начни срочно созывать

в столицу весь конклав магов Тукана с их учениками. Появляться в Хут-Ка они должны

незаметно, под видом обычного ремесленного люда, и до моего особого распоряжения
город не покидать. Их способность к магии должна самым тщательным образом
скрываться. Однако наш орден должен быть готовым, всей своей мощью, не медля ни
мгновенья, выступить против Высокородных по моему первому приказу! Немедля!!!

Глава 5

Деловитый голос Уоти тихо бубнил:

– ...мешков с пшеницей – сто десять, мешков с ячменем – сто пятнадцать. Зерно отменное, на каждом мешке стоит личная печать начальника продовольственных складов

Императора Санахта, будь он благословенен. Теперь – ткань льняная и хлопковая, трех

расцветок. Всего кип восемнадцать. Ткань отменная из провинции Нехен, на каждой кипе

стоит личная печать начальника вещевых складов Императора Санахта, будь он...

Голос жреца, сделавшегося писарем и приказчиком по воле Второго Отца, журчал, наводя сонный морок своей монотонностью.

Даже во время подготовки к великим событиям, способным перевернуть историю целого

мира наступают периоды, когда ничего значительного не происходит. Вот такой период и наступил для Первой Матери и Второго Отца Великого Дома Ибер в послеполуденный душный и тишайший час, опустившийся на Хут-Ка. Белая пыль в узких переулках столицы, черные камни обелисков, серые глиняные заборы бедноты, красные и желтые стены храмов – все раскалилось и дышало ленивым жаром. Этот послеполуденный, ленивый жар беспрепятственно проник в сады, окружающие дома торговцев и богатых чиновников, построенные на берегу Геона. От него не было спасенья. Даже на широком и низком ложе, поставленном рабами для хозяев поближе к реке, в окружении ярких цветов и пышной зелени деревьев.

Яр, на этом ложе, лежа на боку, вяло протянул руку к вазе с фруктами, оторвал от грозди большую, черную, сочную виноградину и задумчиво положил ее в рот. Виноградина, в прозрачных капельках воды, на вид прохладная, оказалась неприятно теплой. Второй Отец потянулся было к кувшину, чтобы налить себе вина, но потом передумал. Вино также могло оказаться теплым, хотя его совсем недавно принесли из глубокого темного

подвала. Высокородный шумно вздохнул, подложил под бок еще одну подушку и

взглянул на супругу. Та, одетая в полупрозрачное синее льняное платье, совершенно уйдя

в себя, внимательно рассматривала свое отражение в зеркале. Уоти, сидящий напротив

них с листами бумаги, заметив, что его хозяин отвлекся, оторвал взгляд от документов, но

Второй Отец кивнул ему, мол, слушаю внимательно, продолжай.

И жрец опять забубнил:

– Теперь три тюка шерсти коз также из провинции Нехен.

Шерсть белая, отменная, на

каждом тюке стоит личная печать начальника вещевых складов Императора Санахта, будь он благословенен...

Яр бросил тоскливый взгляд на реку. Со стороны Геона не было ни дуновения ветерка. На

его сейчас зеркальной до боли в глазах зеленой поверхности, в пяти имперских локтях от

берега, стоял на якоре большой морской торговый корабль с переброшенными сходнями.

Однако на них не было ни души. Даже рабы, переносящие груз, попрятались куда-то в

тень...

Между тем голос Уоти продолжал и продолжал бормо-

тать. От тембра этого голоса глаза

Второго Отца Великого Дома Ибер, в начале доклада ясно и зорко глядящие в мир, совершенно произвольно для их владельца начали закрываться. Веки с каждым новым

перечнем товара так и норовили все чаще остаться внизу. Яр делал над собой чудовищное

усилие, чтобы удержать глаза открытыми, но голос проклятого жреца, его же

собственного храма, обладал поистине мистической силой.

Эта сила, в конце концов, коварно и подло, исподтишка окончательно обволокла со всех

сторон Второго Отца. Все члены его расслабились, как после хорошего массажа в бане. В

голове что-то приятно загудело, глаза вначале съехались к переносице, потом закатились

и веки, бесповоротно проиграв сражение – плотно закрылись. Второй Отец сладко

почмокал губами, засопел носом, а потом громко и протяжно всхрапнул, как боевой осел, идущий в атаку. Локоть, на который он опирался, предательски поехал вперед, голова, соответственно откинулась назад, и он со всей дури впечатался затылком в дубовый шест, который поддерживал белое хлопковое полотнище над ложем. Этот предательский удар

сзади вернул его в реальность, хоть и не сразу. Яр тихо

вскрикнул что-то вроде – «ой, Сешт» и ничего не понимающим, дурным взглядом, недоуменно огляделся. Мол, где я, в какой преисподней и какой демон меня сюда затащил.

Этот демон оказался сидящим прямо напротив. Он был наголо брит, как и положено

писцу и сосредоточенно искал нужный лист бумаги, который куда-то, как назло, затерялся

в стопке других. Пальцы у демона были все в чернилах. Даже на носу оказалось черное

пятнышко. В своей сосредоточенности он совершенно не заметил, что Второй Отец

пребывает, скажем так, в некотором недоумении и поэтому, найдя нужный документ

демон радостно решил наводить чары дальше:

– Теперь финики сушеные...

Яр тихо зарычал, вырвал из рук жреца листы и сладострастно, с остервенением их разорвал:

– Будь все проклято, Уоти!! Твои мешки с зерном, финики, такни льняные и хлопковые

трех расцветок с печатями какого-то имперского урода и сам Император будь проклят!!

Пойти ему действительно голову оторвать что ли? Вот прямо сейчас, просто и

незатейливо, как прозорливо предлагал Нахти, а я дурак старый не послушал! Ты меня

известии, что ли хочешь, жрец этим нудным – Второй Отец
неожиданно очень талантливо

передразнил лже-писаря, скорчив постную мину – «...
Императора Санахта, будь он
благословенен...», а!?

Уоти недоуменно и растеряно посмотрел на обрывки ли-
стов:

– Но, Величайший, ты же сам сказал – дехены счет любят
и поэтому все учесть, до

последнего зернышка с обязательным докладом. И при
этом точно соответствовать образу

приказчика. Вот я и...

– Ну, я же не приказывал при этом меня отправить на-
вечно к Эхаби на ее поля мертвых, скотина ты эдакая!! Еще
чуть-чуть, и ты меня совсем законопатишь в деревянный
ящик со

своей белой шерстью!

Ничего не понимающий жрец понуро пробормотал:

– Это не моя шерсть, Второй Отец. Я рыжий от рождения.
Это шерсть коз из провинции

Нехен в тюках, с личной печатью начальника вещевых
складов Императора Санахта, будь

он благословенен ...

Яр протяжно и безнадежно застонал, схватил большой се-
ребряный кувшин с

действительно теплым, крепким вином и начал из него с

наслаждением пить, нервно

дергая кадыком. Допив кувшин до дна, он отшвырнул его в кусты роз рядом с ложем и

посмотрел на Марту прояснившимся взглядом:

– Драгоценная, может быть лучше ты, а!? А то я за себя не отвечаю со всеми этими финиками!!

Его спутница с трудом оторвала задумчивые глаза от зеркала:

– А? Что?

– Я говорю, мешки с ячменем, будь они трижды прокляты, не сможешь проверить, несравненная?!

Марта рассеяно кивнула, и опять перевела взгляд в зеркало:

– Да... конечно помогу,... мешки с ячменем...финики... всю жизнь мечтала...

Яр, ловя за хвост птицу удачи, до дрожи в коленях боясь, что его супруга сейчас

окончательно оторвется от полированного диска бронзы и поймет, во что ее втравливают, не говоря больше ни слова, одним мощным движением, выбросил свое тело с ложа и

рванул в сторону дома прямо через драгоценные кусты алых роз. Он прошел через них как

гиппопотам сквозь камыш, оставляя за собой широкую просеку. А спустя несколько

мгновений, уже с противоположной стороны сада слы-

шался его командный рык:

– Мдджэй, собери немедленно свою банду!! Сейчас я буду проверять, чему вы научились

от меня за десять дней!! Серпы – к бою!!

Первая Мать чуть отставила зеркало от себя, провела пальцем под глазом, растирая

невидимую морщинку, а потом облегченно улыбнулась:

– Тьфу ты, просто показалось....

Запасливый Уоти, ошалевший от всего этого бедлама и совершенно сбитый с толку, вытащил из под зада копии разорванных Вторым Отцом документов, и тихо кашлянул в кулак:

– Так будем повторно считать мешки с ячменем, Великая Мать? Они стоят пятнадцать

серебряных дехенов. У меня подробно все записано...

Спутница Яра окончательно оторвала взгляд от зеркала и с недоумением на него

посмотрела:

– Какие мешки, жрец?

– Ну, про которые только что говорил Величайший, крови и силы ему...

Марта решительно положила зеркало на ложе и огляделась:

– А где он? Куда подевался? Только что же был здесь и ел виноград...

Потом видимо вспомнила, что прошло по краю ее созна-

ния, пока она занималась своим

отражением, и прошипела:

– Нет, ну какая же хитрая и подлая котьяра, а?!

Она властно протянула руку:

– Дай мне списки, Уоти.

Быстро просмотрев листы бумаги, Марта решительным жестом разорвала их и бросила

обрывки за спину:

– Все в порядке, жрец. Не волнуйся.

– Но, Великий сказал, что дехены счет любят...

Первая Мать досадливо поморщилась:

– Да какие дехены, Уоти? Я тебя умоляю... Их, у нас столько, что можно купить не только

самого Императора, но и всех бабищ из его гарема в придачу. Все равно все эти финики и

шерсть никто не собирается продавать. Второй Отец, по-видимому, решил лишь занять

тебя, чтобы ты не бездельничал до нашего отплытия. Поэтому перестань забивать голову

разными глупостями и займись лучше чем-нибудь приятным. Например, пойди и завали

на спину вон ту стройненькую рабыню-скромницу, поливающую цветы. Пусть порадуетса

напоследок. Я разрешаю.

Когда совершенно сбитый с толку жрец, торопливо ушел, Марта взяла зеркало и снова

начала внимательно рассматривать свое отражение...

Вся эта суэта продолжалась еще два дня. Когда ладья Шу появилась на востоке в третий

раз, Яр самолично затащил на корабль все кожаные мешки, взятые из храма в пустыне, а

затем приказал явиться к себе жрецу и командиру наемников:

– Вначале слушай ты, Мдджэй. Сегодня отплываем. Поэтому сейчас, твои люди пройдут

по дому и убьют всех рабов во главе с управляющим. Но, никакой резни. Каждый раб

должен быть задушен на том месте, где его застанут. После этого обольете оливковым

маслом убитых и все деревянные постройки в имении. Ослов, которых мы привели с

собой, запрете. Они мне больше не нужны. Помещение с ними тоже обольете маслом.

Когда все сделаете, явитесь на корабль. Исполняй.

Дождавшись, когда командир наемников уйдет, Второй Отец доверительно положил руку

на плечо жреца и тихо проговорил:

– Слушай внимательно, Уоти. Будешь находиться в доме до темноты. После того как Шу

уйдет на покой, подожжешь дом, потом незаметно его покинешь и пойдешь в храм Тира.

Там переждешь ночь, а наутро явишься во второе имение, которое ты купил, и будешь нас ждать в нем, сколько потребуется, приходя каждый день на торговую пристань Хут-Ка.

Однако будь внимателен. Мы с Первой Матерью почувствовали, что кто-то за нами начал очень ненавязчиво, постоянно прячась, следить. Об этом ты обязательно доложи главе своего клана Нахти. Вы должны выяснить, кто следит, его имя, почему следит, откуда он узнал про нас, и кто дал ему такое поручение...

К полудню все приказы Яра были выполнены и корабль, подняв якорь, медленно отошел от берега. Умело орудуя рулевыми веслами, нанятая команда вывела судно на середину

Геона, капитан приказал развернуть парус и корабль неторопливо двинулся вниз по течению. С его левого борта во всей своей красе раскинулась столица Империи Тукан.

Величественные храмы из красного, серого и желтого гранита, в окружении пышных зеленых садов, надменно взирали на окружающий мир. Но, надменнее, выше и больше всех был дворец Императора Санахта. Расположенный на высоком холме, окруженный несокрушимой стеной из черного базальта, на которой

гордо реяли красно-белые

вымпелы, он розовой громадой господствовал над городом. А с самой высшей точки

дворца, предупреждая, что Император находится под покровительством Богов, на фоне

синего неба, на проплывающие корабли, грозно смотрело золотое изваяние орла Уреса.

Сам Геон был усеян лодками и судами всевозможных расцветок и размеров. Маленькие, юркие лодки рыбаков, выкрашенные в неприхотливый черный цвет, сутились возле

берегов. Деловито и целеустремленно плыли торговые суда, практично окрашенные

коричневой краской. Огромные, прогулочные галеры знати, выглядевшие драгоценными

камнями всевозможных расцветок на зеленом бархате воды, величаво двигались по

фарватеру реки.

Течение и попутный ветер плавно вынесли корабль Яра за пределы столицы и сразу же, перед путешественниками предстала совершенно другая картина. По левому и правому

борту раскинулись старательно обработанные поля, с частыми вкраплениями финиковых

рощ. Водяные колеса неустанно вращались, поднимая воду Геона вверх, к желобам, по

которым она разбегалась в тщательно вырытые оросительные каналы. Но все это

великолепие жизни раскинулось не больше чем на десять тысяч имперских локтей от реки. Дальше, до самого горизонта, простирались мертвые, багряные пески великой и жестокой пустыни Ха...

Второй Отец, как только корабль вышел за пределы города, приказал капитану, чтобы тот на всех работах использовал наемников. Начиная от драинья палубы, заканчивая установкой паруса и управлением судном. При этом советовал никого не жалеть, чем капитан, радостно оскалившись, не преминул воспользоваться. Наемники у него с этого момента не сидели без дела ни мгновенья. Они постоянно что-то мыли, скребли, вязали узлы, чинили парус, стояли у рулевых весел. Любая их робкая попытка хоть как-то возмутиться, мол, они воины, а не матросы, наталкивалась на капитанский рык, за которым маячила недоуменно поднятая бровь Яра. От этой поднятой брови все слова наемников немедленно застревали в горле, головы безнадежно опускались, а руки сами торопливо хватали швабру.

Так, в трудах и заботах незаметно прошли семь дней. На восьмое утро берега Геона резко

разошлись в стороны, пахнуло соленым ветром, вода приобрела лазоревый оттенок и

первая, широкая волна моря мягко ударила в нос корабля.

Яр тут же подозвал к себе капитана:

– Правь на северо-восток. Когда пройдем пять тысяч имперских локтей, изменишь курс

прямо на восток. Как и договаривались, вначале зайдем в Либан, а с него двинемся к

островам на Великой Зелени. Но моих людей с этого момента не используй. Обходись

только своей командой.

Старый морской волк с уважением посмотрел на нанимателя. Этот длинноволосый дылда, судя по всему не только может держать в узде своих головорезов, но и прекрасно

разбирается мореходстве. Только человек, всю жизнь водивший корабли в этих водах мог

знать, что в указанной точке начинаются морские течения, с помощью одного из которых

можно без помех добраться до берегов Либана. Поэтому он только кивнул головой и

отправился выполнять приказ.

Проводив задумчивым взглядом капитана, спутник Марты подозвал к себе командира

наемников:

– Сейчас ты вместе со своими людьми спустишься в трюм. Там наденете доспехи и будьте

готовы, по моему сигналу, начать убивать команду корабля.

Мдджэй растерянно вытер со лба внезапно выступивший пот, недоуменно вытаращился

на Яра и прошептал:

– Убивать, хозяин? Но, как мы тогда поплывем дальше?

Второй Отец в ответ досадливо зашипел:

– Ты что, плохо стал слышать? Или на тебя так повлияла работа со шваброй, что ты

перестал совсем соображать и начинаешь мне задавать вопросы? Я приказал убивать, значит убивать.

Наемник немедленно опустился на одно колено, и ударил себя рукой в грудь:

– Прости, хозяин. Как ты подашь сигнал?

– Сам увидишь и услышишь. Приоткрой люк и наблюдай за мной. А теперь – пошел вон!

Повинуясь приказу командира, наемники немедленно побросали рабочие места и быстро скрылись в трюме корабля.

Между тем судно продолжало идти по указанному курсу. К полудню оно вышло в

заданную точку, и капитан приказал повернуть на восток.

В этих местах пролегал один из

самых оживленных морских путей древнего мира. Прижимистые и коварные Фенеху —

«строители кораблей», косматые и агрессивные жители

далеких Оловянных Земель,

бесшабашные и веселые морские народы с северных берегов и островов Великой Зелени, все они направляли свои торговые корабли в эти воды, чтобы поймав ветер и морское течение, быстро привести их к северным берегам Афра.

Спутник Марты, сложив руки на груди, все это время стоял на носу корабля. Было видно, что он просто наслаждается свежим морским ветром, развивающим его длинные белые волосы и брызгами соленой воды, порой долетающими до лица. Когда судно накренилось, меняя курс, Яр не оборачиваясь, призывно махнул рукой:

– Капитан, подойди ко мне! Клянусь всеми Богами Тука-на, тебе надо это увидеть!

Тот быстро подбежал к нанимателю:

– Да, хозяин?

Спутник Марты показал рукой вперед:

– Что ты там видишь?

Капитан прищурился и деловито приложил ладонь ко лбу:

– Вижу две торговые галеры народа Фенеху, в полутора тысячах имперских локтей от нас, идущие левее, но на встречном курсе. Там еще одно морское течение, которое противоположно нашему. Думаю...

Но что думал капитан, глядя на эти галеры, так никто и никогда не узнал. Яр внезапно, железными пальцами ухватил его за шею, сдавил ее, ломая шейные позвонки, а потом легко, как щенка поднял уже мертвое тело в воздух и од-

ной рукой зашвырнул далеко в море. Затем быстро развернулся и громовым голосом командовал:

– Мдджэй, вперед!!!

Люк, ведущий в трюм корабля, резко откинулся, и из его проема, блестя боевыми серпами на солнце, хлынули наемники. Растерянная и ничего не понимающая команда корабля не оказала никакого сопротивления. Матросов убивали прямо на их рабочих местах.

Наемники, подхлестываемые не только безжалостным приказом Яра, но и уязвленной гордостью, когда они как простые рабы занимались самыми грязными работами под

прицелом насмешек команды, были беспощадны. Спустя некоторое время, вся палуба корабля напоминала разделочный цех на скотобойне.

Когда последнему матросу перерезали горло, Яр, продолжавший спокойно стоять на носу судна и безучастно наблюдавший за этой кровавой бойней, громко командовал:

– Трупы – за борт! Шесть человек – к рулевым веслам! Остальным – поднять парус!

Мдджэй – ты за капитана! Направление – две торговые галеры левее по курсу!

Пошевеливайтесь, кошачий помет!!!

Семь дней безжалостной дрессировки сделали свое дело. Наемники на удивление слаженно выполнили приказ хозяина и корабль, подгоняемый попутным ветром, целеустремленно двинулся к галерам. Когда до них осталось приблизительно тысяча имперских локтей, Второй Отец подал еще одну неожиданную команду:

– Парус поджечь! Рули закрепить намертво и все в трюм, шакалы!! Без моего приказа - оттуда ни шагу. Иначе – умрете! Быстрее!! Быстрее!!!

В те далекие времена в этом мире, между купцами и пиратами пролегла очень тонкая грань. Можно сказать, что и грани-то никакой не было. Поживиться чужим, на бескрайних морских просторах, где только вооружение и скорость корабля определяют право и закон, не считалось зазорным, а было в порядке вещей. Поэтому капитаны двух галер народа Фенеху, смену курса неизвестного туканского торгового корабля, когда он целеустремленно направился в их сторону, восприняли со всей серьезностью. Они немедленно приказали своим командам вооружиться и готовиться к отражению нападения. Пусть этот корабль один, а их двое, но Сешт его знает, какие мыши бегают в

голове у капитана неизвестного судна. Однако внезапно вспыхнувший парус незнакомца, и как следствие, замедление хода, на галерах восприняли со злорадным удовлетворением.

Этот туканский дурак сам попал в капкан. И не важно, зачем он шел в их сторону. Без

паруса, не способное маневрировать, торговое туканское судно стало законным призом.

Кто, скажите на милость, будет искать на бесконечной лагури моря, пропавший корабль?

На галерах раздались четкие, короткие команды, быстрее забили барабаны, определяющие

скорость и ритм гребли. Корабли по короткой дуге, как волки окружающие добычу, двинулись с двух сторон к почти остановившемуся судну. Когда они поравнялись с его

бортами, экипажи обеих галер, слаженно действуя, что говорило об огромном опыте в

таких делах, стремительно забросили на купеческое судно абордажные крюки. Вслед за

этим, на галерах раздался пронзительный свист боцманских дудок, приказывающих идти

на абордаж, и толпа вооруженных до зубов матросов, хлынула на борт туканского судна.

Мдджэй, наблюдающий за происходящим через чуть приоткрытую крышку люка, когда

рядом с его носом затопали грязные и босые ступни фе-

нешийцев, мысленно выругался и

начал возносить молитвы сразу всем Богам Тукана. Единственное, что его останавливало

не дать приказ своим людям выбраться из трюма и постараться как можно дороже продать

свою жизнь, так это повеление Яра, которого он боялся больше смерти. Наемник, шепча

молитвы вперемешку с ругательствами, повернул голову влево, и сразу увидел своих

хозяев. Полностью обнаженные, держа в каждой руке по мечу, выкованному из

неизвестного голубоватого метала, Яр и Марта стояли на корме плечом к плечу и

абсолютно равнодушно смотрели на толпу вооруженных фенешийцев перед собой.

Мдджэй даже мог поклясться, что на лицах его нанимателей читалось не только

спокойствие, но и некое предвкушение.

Из-за спин абордажной команды, по-видимому, капитан одной из галер, пропитым и

простуженным басом прохрипел:

– Длинноволосого – на корм рыбам. Девку – не убивать.

Будем ее пользоваться, пока не

подохнет. Вперед, селедкины дети!!!

Подчиняясь приказу, восемь матросов, стоящие в первом ряду, стремительно ринулись в

атаку.

Если бы командир наемников сам, своими глазами не увидел, что произошло дальше, он

бы никогда не поверил, что такое возможно. Яр и Марта, действуя слаженно, как какая-то

чудовищная боевая машина, сделали два шага навстречу атакующим, синхронно и

неуловимо быстро взмахнули мечами, а потом сразу отступили, опустив оружие. Но в

результате такой короткой контратаки, занявшей по продолжительности не больше пяти

ударов сердца, все восемь нападавших оказались обезглавленными. Все до единого. Ни

одного из них не убили ударом в грудь. Не ранили, ударив мечом в живот или отсекая

конечность. А именно убили, холодно и расчетливо, отрубив каждому голову!

Опешив от немедленного и безжалостного отпора, фенешийцы с ругательствами

попятись, но тот же голос, из-за их спин, прорычал:

– Их же всего двое!! И один из них всего лишь баба!! Вперед, акулье племя!!!

Атакующие быстро перестроились и теперь всей толпой, выставив перед собой короткие

абордажные копья, пошли в атаку. Яр с Мартой переглянулись, и Мдджэй стал

свидетелем еще одного, никогда им не виданного доселе, способа боя. Вернее, не боя, а скорее танца. Танца, в котором двухголовое, четырехрукое, четырехное чудовище выделявало изящные и смертоносные па мечами, даря смерть. Это было высшее искусство убийства, а не ремесло мясника воина. Каждое движение в этом танце было отточено до совершенства и несло неотвратимую гибель.

Второй Отец и Первая Мать

были жнецами, совершающими абсолютно одинаковые движения на поле. Только жали эти жнецы не колосья пшеницы, а колосья человеческой жизни.

Инфернальный танец-убийство Высокородных становился все быстрее, и командир

наемников каким-то внутренним слухом внезапно услышал его ритм. Так ужасающе

могли грохотать только потусторонние барабаны с полей мертвых Эхаби. А к ритму этих

барабанов, приторно-медному запаху человеческой крови, смешанному с соленым

морским воздухом, предсмертным крикам беспощадно вырезаемых фенешийцев,

отчетливо начал примешиваться запах давно увядших цветов!

Нападающие, под неуловимо-быстрыми, безжалостными ударами четырех мечей таяли

как утренняя роса под жаркими лучами Шу. Кто-то из них в страхе завопил:

– Морские демоны! Уход...

Но было уже безнадежно поздно. Движения боевой машины еще ускорились, а лезвие

меча Марты, возникшее, словно из ниоткуда, наискось разрубив рот кричавшего, заставило его замолкнуть навсегда. Последним упало на палубу обезглавленное тело

командира абордажной команды. Его отрубленная голова, подкатившись к люку, уставилась мертвыми глазами, в которых затаился предсмертный ужас, смешанный с удивлением, прямо в глаза Мджэю.

Из ступора, в который впал командир наемников, увлеченный невиданным танцем-

убийством, его вывел удар ноги Яра по люку. Одним движением стопы Второй Отец

отшвырнул люк и прорычал сверху прямо в лицо Мджэю:

– Все – наверх! Команды обеих галер – добить! Каждого второго гребца – за борт! Оставить

только молодых и здоровых, но вырвать им языки! Вперед, вперед, поддонки! Пришло

время отрабатывать свои дехены!

Эта пара выглядела сейчас не просто страшно, а отврат-

но-чарующе, если только

чарующими могут выглядеть убийцы в апофеозе своей работы. Залитые чужой кровью с

ног до головы, со слипшимися в кровавые сосульки волосами, источающие запах давно

увядших цветов, мечами, зажатыми в руках, кончики лезвий которых до сих пор

подрагивали от нетерпения продолжать свою жатву. Вид этих кончиков, на которых

приплясывала сама Богиня мертвых Эхаби, буквально вышвырнул команду наемников из

трюма и заставили двумя воющими от жажды убивать сво-рами, по канатам стремительно

перелезть на галеры фенешийцев и там начать исполнять приказ хозяина. Сами же Яр и

Марта, внезапно отбросив оружие, слились в объятии страстных любовников, очень давно

жаждущих встречи. Они упали на еще теплые тела убитых ими людей и сплелись в

любовном экстазе. Ведь только что принесенная смерть может преподнести

ошеломляющее ощущение – подарить невиданной силы и остроты, достойный самих

Богов оргазм, на месте, где была отнята чужая жизнь!

Когда ладья Шу целеустремленно повернула на запад, приказ Второго Отца был выполнен

полностью. Предсмертные крики на галерах замолкли, выброшенная за борт часть гребцов

пошла ко дну, а наемники, не потеряв при этой бойне ни одного человека, выстроились

перед хозяевами. Яр и Марта к этому времени успели омыть себя забортной водой, и сидя

рядом на корме судна, среди обезглавленных трупов выглядели даже какими-то

умиротворенно-помолодевшими. Вставшему на одно колено перед своими нанимателями

и готовому докладывать Мдджэю, Второй Отец расслабленно махнул рукой:

– Я уже понял, что мой приказ ты выполнил неукоснительно. Все золотые и серебряные

побрякушки, принадлежащие командам этих кораблей – ваша премия, что конечно не

исключает выплаты мной положенного вам ежемесячного вознаграждения. Однако сам

груз галер не трогать. Он мне еще пригодится. Теперь о деле. Через два восхода Шу обе

галеры обязаны блистать чистотой, как невеста перед брачной ночью. Твоя команда, Мдджэй должна быть разбита на две равные части и командир второй половины

наемников станет капитаном другой галеры. На этой расположимся мы с хозяйкой и

первая часть команды. Капитаном нашей галеры я назна-

чаю тебя, Мдджэй. Все твои люди
должны переодеться и выглядеть как фенешийские вои-
ны. Через два восхода Шу я жду
обоих капитанов здесь, на этом месте, чтобы услышать,
что корабли готовы к
дальнейшему плаванию...

Глава 6

Через двое суток новые капитаны обеих галер, отцепив
абордажные крючья, плавно
отвели свои корабли от туканского торгового судна, и Яр
широко размахнувшись, бросил
на его палубу несколько зажженных факелов. Заранее об-
литая маслом палуба вспыхнула
всепожигающим огнем, а вслед за ней немедленно заня-
лись пламенем все постройки.

Когда галеры отошли уже на пятьсот имперских локтей,
старый корабль Яра и Марты
представлял собой пылающий почти прозрачным огнем
факел посреди лазури моря.

Спутник Марты командовал Мдджэю:

– Курс – устье Геона. Возвращаемся в Хут-Ка.

Обратный путь занял несколько большее время, так как
пришлось идти на веслах против
течения. После входа в русло реки, вновь справа и слева

от кораблей потянулись

тщательно возделываемые поля, перемежаемые пальмовыми рощами. А на десятый день

впереди засверкали белые крепостные стены столицы. Ловко маневрируя среди

множества судов, галеры подошли главному пирсу торгового порта и бросили якоря.

Приход чужих торговых кораблей из пределов Великой Зелени, немедленно и как обычно

собрал большое количество зевак и торговцев, которые держали в порту свои лавочки.

Но их всех бесцеремонно растолкали четыре налоговых чиновника. Бритые наголо, со

свитками под мышкой, одетые лишь в набедренные повязки, но с массивными

ожерельями вокруг шеи, на которых висели отчеканенные медные знаки принадлежности

к имперской службе сбора налогов. Чиновники уверенно и важно взошли по сходням и

главный из них, немедленно и сразу угадавший в Яре главного, обратился к нему строгим

голосом:

– Сбор налогов, уважаемый. Вы должны заплатить сборы на содержание флота Империи, поскольку прибыли на кораблях, а так же торговый сбор – если вы привезли товары для

торговли. Всего это составит шестнадцатую часть привезенного вами.

Спутник Марты расплылся в дружеской улыбке. Сейчас он был сама приятность, почтение и расположенность – полная противоположность той боевой машине, что косила человеческие жизни с холодной расчетливостью всего двенадцать восходов Шу тому назад. Он низко и подобострастно склонил голову, а потом в полупоклоне указал рукой на надстройку на палубе:

– Да, да, несомненно, высокочтимые, силы, радости, здоровья вам! Прошу в мою каюту, где предлагаю обсудить все дела за чашей прекрасного вина из Димашка.

Пробыли в каюте чиновники около часа, и вышли из нее изрядно захмелевшие и очень довольные. У каждого на руке красовался массивный серебряный браслет, которого раньше не было. В поджидавшие их возле сходен повозки из трюмов кораблей рабы

бросили несколько тюков и чиновники, уже тепло попрощавшись с Яром и Мартой, убыли. Спутник Марты, проводивший гостей до самых сходен, чуть кивнул Уоти, который, как и было ранее приказано – приходил на пристань каждый день и теперь стоял

в толпе зевак и торговцев возле кораблей. А потом, в сопровождении Марты и окружении

шестерых наемников сошел на берег. Торговцы немедленно собрались возле него и загалдели:

– Что, что вы привезли, почтеннейший?! Нужно оливковое масло! Беру кедр из Либана!

Продам льняные ткани и финики! Меняю бивни слонов на крепких рабов!

Яр поднял вверх ладони, призывая к тишине:

– Тихо, тихо, друзья. Я привез благовонную смолу, дубовые и кедровые доски из Либана, пурпурную краску из Димашка, оливковое масло с островов на Великой Зелени и олово.

Дела с вами будет иметь мой управляющий – Яр дружески положил руку на плечо Уоти, который к тому времени успел незаметно встать рядом с ним – но все завтра, все завтра, уважаемые. Я поклялся, что если доберусь живым до Тукана, то первым делом принесу

дары богу Тиру, моему покровителю! Меня покинет удача, если я не выполню свое обещание!

Разочарованные торговцы стали понемногу расходиться и Яр, в сопровождении своих

спутников, а также топы любопытных, двинулся к рынку, который существовал рядом с

портом с момента образования Хут-Ка. Уоти, идущий справа и чуть сзади, шепнул ему на

ухо:

– Есть важные новости, хозяин.

Яр, не оборачивая головы, процедил:

– Все после, жрец. Мне надо довести это представление с прибытием до конца...

Они вышли за пределы порта и со всех сторон их сразу обступил рынок столицы.

Обычные торговцы «с земли», палатки, лавчонки, большие лавки, некоторые даже в два

этажа, но все – упорядоченно. Вот этот ряд со знаменитыми туканскими льняными и

хлопковыми полотнами на все случаи жизни. А за ним начинается ряд кожевенников, который идет параллельно ряду

горшечников. Ряды рынка простираются до самых северных городских стен столицы и товары в них со всего

Тукана и освоенных людьми

частей суши и моря. Здесь есть все, что нужно человеку.

Для свадьбы или похорон, для

рождения или не рождения ребенка. Для повседневной жизни или больших праздников.

Для тайных усад или устранения соперника на любовном ложе. Здесь действительное

есть ВСЕ. И даже немного больше...

Отельным рядом стоят тихие лавки менял, где путешественники, прибывшие со всех

концов ойкумены в Хут-Ка, могут обменять свое золото

или серебро, на медные усены, а

также серебряные и золотые дехены. Кругом шум, гам, крики, все что-то покупают, продают или меняют. Над всем этим водоворотом из товаров, людей, животных, пыли, жара полуденного Шу стелется дым из харчевен, состоящих из обычного навеса и ряда

очагов, в которых печется на углях рыба, птица, мясо, трещит и подгорает капающий жир, на столиках стопками лежат пшеничные и ячменные хлебцы, в горшках булькают

похлебки на любой вкус и кошелек. Запах этого соблазнительного дыма лучшая реклама

от сотворения мира, потому как голод и его вечный спутник – обострившееся обоняние

обязательно выведут проголодавшегося по дыму к ближайшей харчевне. Даже Яр на

мгновенье приостановился, по-звериному вдумчиво пригнувшись к одному из таких

дымов, еле слышно, себе под нос, пробормотал:

– Косуля... Сегодня утром убили... Только на вертел недели... Заманчиво...

Потом, видно, совладав с собой, решительно отвернулся и зашагал в сторону огороженной

части рынка, где продавали, или меняли животных. Здесь он быстро сторговался со

скотоводом из провинции Ануб о продаже ему трех белых быков, трех черных коров, а

также шести белых, шести черных коз и одного белого осла. По его требованию животных

тщательно вымыли, причесали и надели им на шеи гирлянды из цветов. Скотовод сам, после выгодной сделки, выделит четырех опытных погонщиков для их сопровождения, а

для осла купил седло и сбрую.

Марта уселась на осла, шесть наемников, встали за ней, погонщики выстроили сзади

купленных животных, а Яр, вытащив из-за пояса массивное серебряное ожерелье с

медальоном, на котором был изображен бог Тир, надев его на шею, встал во главе этой

процессии, и призывно махнул рукой:

– Идем к храму великого Тира!

В окружении большой толпы любопытных и зевак, жадных до всего нового и необычного, шествие, возглавляемое Яром, степенно двинулось в центральную часть столицы, где располагались главные храмы Империи Тукан.

Храм бога Тира стоял на одном из холмов столицы. Построенный из желтого гранита, окруженный с трех сторон пышным садом, который в свою очередь окружала стена из жженого кирпича в два человеческих роста, он надменно взирал на жителей Хут-Ка.

Между двенадцатью огромными колоннами в фасадной части строения, которые были

изваяны в виде фигуры бога мудрости, располагались центральные двери храма из либанского кедра высотой в шесть имперских локтей. Украшенные богатой резьбой, створки двери, висели на мощных, начищенных до блеска медных петлях в виде лапы льва.

К дверям вела широкая гранитная лестница из девяти ступеней, подчеркивающая их количеством гордое звание Тира как «трижды великого бога мудрости». Ведь, как известно, святое число «три» помноженное само на себя остается святым числом. Прямо напротив центральных дверей, у первой ступени лестницы, на постаменте был закреплен большой медный диск, рядом с которым лежала деревянная колотушка. Любой паломник, если считал свой вопрос мудрым или желал напрямую обратиться сразу к верховному жрецу храма, мог вызвать его, ударив три раза колотушкой по диску. Но горе тому, чей вопрос или проблема покажутся никчемными. Надо было проявлять ум и мудрость, прежде чем решаться на то, что ты отрываешь главного жреца от служения Богу мудрости...

В окружении все увеличивающейся толпы любопытных, Яр, возглавляющий свою процессию, решительно подошел к постаменту перед хра-

мом, взял в руку колотушку и

три раза ударил ею по диску. Раздался низкий, вибрирующий звук, который казалось, проник в каждый уголок площади перед храмом. А спустя некоторое время, створки

центральных дверей приоткрылись и на верхнюю ступень лестницы вышел главный жрец

храма Нахти. Одетый просто, лишь в одну юбку, но атрибутом верховной жреческой

власти посохом, навершие которого было искусно вырезано в виде головы совы, Нахти

спокойно оглядел толпу перед храмом, а потом перевел взгляд на Яра, стоящего рядом с

диском:

– Это ты хочешь со мной говорить?

Яр склонился в низком и подобострастном поклоне:

– Позволь мне и двум моим спутникам приблизиться к тебе, великий, да будешь ты жив, невредим и здоров!

Жрец благосклонно кивнул:

– Ну что же, подойдите. Я готов выслушать тебя.

Яр, в сопровождении Марты и Уоти, не разгибаясь, быстро преодолел девять ступеней и

пал перед верховным жрецом ниц, уткнувшись лбом в гранит. За его спиной в такой же

позе склонили колени его спутники.

Нахти чуть тронул Яра за плечо:

– Можешь поднять голову странник, а я вижу, что ты

странник, и начать говорить.

Спутник Марты, оставаясь на коленях, разогнул свою спину:

– Тысячу раз кланяюсь тебе и целую стопы твоих ног, мудрейший. Я действительно

путешественник и торговец, и проделал долгий путь, прежде чем доплыть до Хут-Ка.

Мной был дан обет богу Тиру, моему покровителю, что если я невредимым доберусь до

столицы Империи Тукан, принести в дар храму бога мудрости трех белых быков, трех

черных коров, а также шесть белых и шесть черных коз. Прошу тебя, прими это скромное

подношение.

Жрец еще раз благосклонно кивнул:

– Храм примет твой дар, странник. Но я вижу у тебя на груди медальон с изображением

бога, которому я служу. Только жрецам храма Тира разрешено носить такие медальоны.

Яр посмотрел Нахти прямо в глаза, и хотя говорить он начал тихо, его ответ и

последующая беседа на ступенях с главным жрецом храма Тира странным образом были

услышаны всеми любопытными, собравшимися на площади:

– Я действительно еще являюсь Хем Нетер – «службой бо-

га» в храме Тира в городе Сарепта

народа Фенеху, на восточном побережье Великой Зелени, о великий. Мне, как Хем Нетер

было знамение, что всему Тукану угрожает смертельная опасность! И я прибыл с этой ужасной вестью к тебе!

Лицо верховного жреца закаменело:

– Смертельная опасность Тукану? Я не ослышался?!

– Именно так, мудрейший, здоровья тебе, радости, силы...

Найти несколько мгновений внимательно осматривал Яра, а затем не сильно стукнул

концом посоха о плиты ступени. Створки центральной двери храма за его спиной тут же

снова приоткрылись и из-за них выскользнули три служителя. Главный жрец указал

подбородком на площадь:

– Животных – в храмовые стада. Воинов странника – про- водить в помещение охраны.

Зевак – спокойно, я подчеркиваю, спокойно и вежливо попросить разойтись. А ты Хем

Нетер храма Тира из Сарепта со своими спутниками – следуй за мной.

Они быстро прошли через главный зал храма, потом через внутренний двор со своим

садом и оказались в той части комплекса, где располага-

лись личные покои верховного

жреца. Нахти немедленно выгнал из них всех слуг с рабами, провел своих спутников в комнату, служащую ему для работы со свитками и плотно затворил за собой двери.

Яр с тяжелым вздохом распрямил до того покорно согбенные плечи, огляделся, увидел большое, широкое кресло, плюхнулся в него и приказал охрипшим голосом:

– Вина мне. Крепкого. Много.

Глава его грязного клана Смотрящих и Изменяющих, и по совместительству верховный

жрец храма Тира, суетливо схватил с отдельно стоящего столика большой серебряный

кувшин, налил из него в золотой кубок вина, встал на колени и с поклоном протянул этот кубок Яру:

– Прости меня Второй Отец Великого Дома Ибер, силы, радости и крови тебе, что ты вынужденно преклонил передо мной голову.

Спутник Марты посмотрел на Нахти исподлобья, еще раз вздохнул, и игнорируя

протянутый кубок, отобрал у него кувшин:

– Да плевать. У меня за всю жизнь уже столько корон с этой головы упало... Одной

больше, одной меньше... Но я же сказал – Вина. Много.

А ты мне что суешь?

Он заглянул в отобранный кувшин, понюхал его содержимое, удовлетворенно поцокал

языком и начал жадно пить прямо из горлышка.

Марта, до этого с интересом рассматривающая стеллажи со свитками, неодобрительно на него покосилась:

– Может лучше все же из чаши, яростный?

Ее спутник на мгновенье оторвался от приятного занятия и совершенно по босяцки вытер рот тыльной стороной ладони:

– Нет, не лучше, незабвенная. Так почему-то вкуснее и быстрее утоляет жажду...

Он решительно допил вино из кувшина, сунул пустую емкость обратно в руки Нахти, сел

в кресле прямо и пробормотал:

– Я, наверно, никогда не привыкну к бессмысленному гвалту этих безволосых хезуров, их

скачущим как блохи мыслям и запаху немых тел. Клянусь правым верхним клыком

Первого Отца – это отвратительно...

Яр несколько мгновений сидел, глядя прямо перед собой, а потом решительно хлопнул

ладонями по подлокотникам кресла:

– Ладно, это все пустые разговоры... Перейдем к делу. Сегодня слухи о том, что прибыл

некий посланник к верховному жрецу храма Тира с вестью об угрожающей Тукану смертельной опасности, начнут расплзаться по столице. Тайной службе храма следует эти слухи поддерживать и не позволять им затухать. Через несколько дней они обязательно дойдут до Императора, и он потребует тебя Наhti к себе. Или ты сам к нему пойдешь первым. Позже мы определимся, как лучше поступить. Но в любом случае, ты воспользуешься этим визитом, как и было оговорено на нашей первой встрече, чтобы представить меня и Первую Мать Санахту. В разговоре с Императором, как бы, между прочим, заяви, что у нас есть для него дар, достойный такого великого воина как он. Далее – сегодня ты расскажешь Первой Матери все, что знаешь о гареме Владыки. О взаимоотношениях между Повелителем Тукана с его женами и фаворитками, о противоречиях среди женщин и их соперничестве за сердце и милости Санахта... Там обязательно должно быть острое соперничество и зависть. Самки хезуров еще те штучки... Я залил огнем весь континент за Большой Водой, который вы называете землей

Кукулькан. Лично растерзал Второго Отца Дома Пикчу и вырезал всех магов из его

чистых кланов. Ходил Тропой по таким местам замирья, от которых даже колдуны сходят

с ума... Но если бы мне предложили разобраться в хитро-роплетеньях змеино-го клубка под

названием гарем хезуров, я бы немедленно наложил на себя руки. Поэтому о нем

рассказывай только Первой Матери. А она мне потом в облегченной форме, чтобы я не

повредился головой, все растолкует. Мне же – ни слова!! Тебе понятно это, жрец?!

Глава грязного клана приложил правую руку к сердцу, тяжело вздохнул и низко

поклонился:

– Я все понял, Второй Отец. Особенно про гарем. Сам порой, выясняя отношения со

своими женами и наложницами чувствую, что совсем теряю рассудок от того, что я всегда

почему-то виноват... Даже в мелочах... А как жаль их змеиные языки!... Сешт бы все их

племя побрал! Так и хочется иногда взять большую палку и...

Марта, стоящая к ним спиной, внезапно развернулась и вопросительно – недоуменно

подняла правую бровь:

– Гм..??

Нахти бросил на нее торопливый взгляд и почти распластался на полу:

– Ох... Простите, Великие!! Силы, крови вам!! Это совершенно не относится к делу! Все

будет так, как вы приказываете!! Но позволено мне будет задать вопрос, Второй Отец?

Яр тоже украдкой покосился на свою спутницу и сделал надменное лицо:

– Позволяю...

– Жрец твоего храма должен был довести до тебя и Первой Матери важную новость. Он ее довел?

Спутник Марты, не отвечая, перевел взгляд на Уоти, который так же как и Нахти, после

того как они вошли в комнату, упал на колени и до сих пор так стоял, уткнувшись лбом в пол:

– Подыми голову, Уоти. О каких важных новостях ты мне говорил, когда мы шли к рынку?

Тот немедленно распрямил спину:

– Среди людей есть маги, Второй Отец...

Яр с Мартой недоумевающе переглянулись. Потом Марта одним неуловимым движением

перенеслась с другого конца комнаты, очутившись стоя-

щей напротив жреца. Она резко

схватила его за подбородок, заставив смотреть себе в глаза, и четко выговаривая слова, произнесла:

– Это невозможно, жрец. От самца и самки хезуров не может быть потомства,

обладающего магическими способностями. Этого не позволит их жизненный код. Ты

лжешь.

Уоти чуть качнул головой:

– Я готов пройти испытание твоим взглядом, Первая Мать, став вечно влюбленным рабом.

Хотя, моя преданность и без того безгранична. Но я не лгу. Среди людей действительно есть маги.

Произнеся последние слова, жрец внезапно почувствовал, как по самой сути его «я»

прошла ласковая волна, которая мгновенно разложила его личность на маленькие

кубики, а потом также быстро эти кубики сложила. До него донесся ментальный запах

давно увядших цветов, как подарок за преданность, и ласковая волна исчезла...

Марта медленно повернула голову в сторону своего спутника и недоуменно подняла

брови:

– Он действительно не лжет... Но как это может быть?

Маги среди людей? Это же

невозможно...

Яр, теперь напряженно сидящий в кресле, отрывисто бросил:

– Рассказывай Уоти. С самого начала.

Жрец несколько мгновений молчал, сосредотачиваясь:

– Перед своим отбытием, ты приказал выяснить, Второй Отец, кто ненавязчиво начал

следить за нами, когда мы прибыли в Хут-Ка из пустыни.

На третий день, вечером, выходя из ворот второго дома, который я купил для вас, я заметил пять человек, которые

очень хорошо маскируясь под нищих, действительно начали следить за мной. Я применил

к ним «глаз Таверет», или по-простому – отвел глаза. Это, как известно, не магический

ритуал, а просто воздействие на внимание другого человека жестами или особым

состоянием собственного «я». «Глаз Таверет» сработал, и они меня потеряли из виду. По-

видимому, старший из преследователей запаниковал, и не удержавшись, для моего поиска

применил магию. Его подчиненные, поняв это как разрешение, тоже выбросили

магические щупальца поиска. Все это продолжалось считанные мгновенья, так как скорее

всего, у них есть приказ на запрет использования магии,

потому что меня они так и не

увидели, но магический ритуал немедленно прекратили, как после резкого окрика...

– Ты уверен, что это была магия?

– Да, Второй Отец, уверен. Магический рисунок невозможно ни с чем спутать. Только их

магия была совершенно другого узора и лежала...гм...как бы в другой плоскости. И

почему-то светилась синим цветом... Во всяком случае я так ее воспринял....

– А лица их запомнил?

– Навсегда, Второй Отец.

– Это хорошо...

Яр откинулся в кресле и задумчиво потер подбородок:

– Маги среди хезуров... Кто бы мог подумать... Невероятно... Это может сильно помешать

нашим планам в отношении Императора. Ведь они могут быть на его стороне... Меня не

покидает предчувствие, что эта пятерка всего лишь листья на дереве тайного магического

ордена, который появился у хезуров...

Второй Отец решительно встал с кресла:

– Значит так. Вы оба сегодня вечером придете в тот дом, который был куплен для нас.

Ты Нахти, расскажешь Первой Матери все про гарем Санахта, а ты Уоти еще раз, не

упуская не одной детали, расскажешь про твою встречу с человеческими магами. Надо разработать план, как не вызывая никаких подозрений, одного из этих магов пленить, потом допросить и главное – использовать. Для этого я переподчиню тебе Уоти наемников. В самое ближайшее время плененный хезурский маг должен сидеть передо мной. Все ясно полукровка?! Уоти упал на колени и приник лбом к плитам пола: – Все будет исполнено так, как ты приказал, Великий, силы тебе и крови...

Конец первой части

Глоссарий к роману «Первая раса. Хозяева».

Афр – континент, на северо-востоке которого расположена Империя Тукан.

Бог Мин – покровитель путешественников, торговцев и как ни странно – воров.

Бог Сешт – Бог смерти, разрушения и хаоса.

Бог Тир – Бог мудрости.

Бог Шу – Бог солнца.

Богиня Тхор – Богиня луны.

Богиня Эхаби – Богиня мертвых, жена Сешта.

Великая Зелень – море на севере от Империи Тукан.

Великий Дом Высокородных – сообщество Кланов, по типу пчелиного роя, практически бессмертных существ обладающих сверх магическими и магическими способностями, доминирующее на определенной территории. Управляется дуумвиратом, состоящим из Первой Матери и Второго Отца Дома.

Второй Отец – особь мужского пола, практически бессмертная, стоящая во главе Великого Дома. Отвечает за безопасность Великого Дома. Главный воин и стратег. Полигамен.

Геон – главная река Империи Тукан. Разливается один раз в год.

Дехен – основная мера денег в Тукане. Бывают золотые и серебряные дехены в монетах.

Могут еще использоваться наручные браслеты из золота, серебра или меди.

Димашк – государство на востоке от Империи Тукан.

Императорская дорога – дорога, проложенная неведомыми строителями древности, связывающая между собой основные торговые центры Тукана, побережья Великой Зелени и Оранжевого моря.

Имперский локоть – мера длины, приблизительно 1 м.

Канн – мера длины, приблизительно 50 см.

Клан Великого Дома – община особей с похожими магическими способностями. В

каждом Великом Доме около десяти Кланов. Кланов бывают «чистые» и «грязные».

Чистые Кланов состоят из мужских и женских особей без примеси человеческой или

животной крови. Грязные – полукровки, результат вступления в связь членов «чистых»

кланов с людьми или животными. Генетические способности мужских особей Кланов

Великих Домов очень гибки и позволяют давать потомство практически от любого

существа.

Народ Фенеху – строители кораблей. Живут морской торговлей и грабежом на море.

Оранжевое море – море на юге от Империи Тукан.

Острова Великой Зелени – группа островов, расположенных на севере от Империи Тукан в Великой Зелени.

Первая Мать – особь женского пола, практически бессмертная, стоящая во главе Великого Дома. Отвечает за все вопросы Дома, кроме его защиты. Полигамна.

Первый Отец всех Великих Домов – легендарная личность. Высокородные тоже имеют свою мифологию. И в соответствии с ней их общим родоначальником был некий Первый Отец. Поэтому главный защитник Дома всегда носит звание Второй Отец, а не Первый.

Сарепта – город-государство, расположенный на побережье Великой Зелени на северо-востоке от Империи Тукан.

Страна Львов – страна варваров, расположена на западе от Империи Тукан.

Страна Мариб – страна кочевников, расположена на юге от Империи Тукан.

Страна Огнепоклонников – расположена далеко на северо-востоке от Империи Тукан. Об этой территории известно лишь то, что жители ее населяющие поклоняются всем видам огня.

«Танец семи покрывал» – в нашей реальности – танец Саломеи – дочери любовницы тетрарха Ирода – Иродиады, которая в свою очередь была женой брата Ирода – Филиппа, то есть невесткой Ирода. Саломея танцует этот танец перед любовником своей матери – Иродом, своим родным дядей, и по настоянию своей матери – Иродиады, совращает его танцем. Ирод в награду за проведенную ночь преподносит Саломее на блюде отрубленную голову Иоанна Предтечи – (Евангелие от Марка 6:20)

Усен – мелкая медная монета.

Хезур – презрительное название человека с намеком на обезьяну.

Хут-Ка – столица Империи Тукан.

Четырехречье – местность, расположенная на юге от Димашка. Об этой территории известно лишь то, что ее жители обладают непревзойденным коварством.

Шем – мера длины, приблизительно 2 км.

Сноска (1) – стихи Камола Худжанди, персидско-таджикского поэта 12-13 веков.